

ВСЯ ПРАВДА О ВОЙНЕ

О.С. Смыслов

ЖИТЕЙСКАЯ ПРАВДА ВОЙНЫ

Вся правда о войне

Олег Смыслов

Житейская правда войны

«ВЕЧЕ»

2014

Смыслов О. С.

Житейская правда войны / О. С. Смыслов — «ВЕЧЕ»,
2014 — (Вся правда о войне)

ISBN 978-5-4444-8450-0

Новая книга О.С. Смыслова – попытка заглянуть сквозь призму истории в годы Великой Отечественной войны и посмотреть на ее житейскую правду. Она потому и житейская, что в ней присутствуют точно такие же ситуации и проявляются точно такие же человеческие качества и эмоции, как и в мирной жизни. В книге двенадцать историй, но каждая из них, по сути, документальна. В этих историях нет вымышленных персонажей, а все факты основаны на свидетельствах очевидцев и документах. Каждая история – это рассказ о нелегких военных годах, о судьбах военнослужащих. Среди героев книги – солдаты и офицеры, асы-истребители, политработники и генералы.

ISBN 978-5-4444-8450-0

© Смыслов О. С., 2014
© ВЕЧЕ, 2014

Содержание

От автора	6
Согласно директиве Ставки «За форсирование»	7
Форсировать Днепр	8
Ночь была удивительно теплая	10
Парашютный десант	15
Создание... Букринского плацдарма	18
КНП Кузминова	22
А как же с вызовом огня на себя?	24
Принялись делить награды	30
Герой Советского Союза – это святое	35
Судьба солдата	37
Это было предопределено	37
Дезертировал из тыла на фронт	39
Танка нет	42
А бой кончился так	47
Это было счастье	51
Командировка с фронта	52
Вызов в Москву	52
Из биографии	53
«Ходил в театры»	55
Из биографии	56
Москва	58
Конец ознакомительного фрагмента.	60

Олег Сергеевич Смыслов

Житейская правда войны

© Смыслов О.С., 2014

© ООО «Издательство «Вече», 2014

© ООО «Издательство «Вече», электронная версия, 2017

Сайт издательства www.veche.ru

* * *

*Светлой памяти военного историка, полковника Герасимова
Василия Леонидовича посвящается*

От автора

Если открыть словарь Ожегова, то слово «житейский» там имеет следующее значение: «обыденный, свойственный повседневной жизни». В толковом словаре русского языка Кузнецова «житейский» означает: «связанный с жизнью, с действительностью; жизненный. Житейский опыт, расчет. Житейская мудрость. Житейские наблюдения».

«Правда» по Далю, точнее и не скажешь, – «истина на деле, истина во образе, во благе; правосудие, справедливость».

«Война», как известно, это вооруженная борьба, боевые действия...

Эта книга – всего лишь попытка заглянуть сквозь призму истории в годы Великой Отечественной войны и посмотреть на ее житейскую правду. В книге всего двенадцать историй, но каждая из них, по сути, документальна. В ней нет вымышленных персонажей, а все факты основаны на свидетельствах очевидцев и документах.

Житейская правда войны потому и житейская, что в ней присутствуют точно такие же ситуации и проявляются точно такие же человеческие качества, как и в мирной жизни. Но ведь все это происходит на войне, где, как известно, есть место для подвига... Однако и там воевали самые обыкновенные люди, и неважно, кем они были. Важно другое. Несмотря на жуткие и поистине не человеческие испытания, которые не только закаляли, но и достаточно сильно сплывали людей, человек все равно оставался самим собой. Командир стрелкового полка мог запросто струсить, а потом по букве закона стать Героем Советского Союза. Угодивший не по своей вине в штрафную роту солдат получал счастливый билет на долгую жизнь. Легендарный летчик-истребитель, сбивший немало самолетов противника, погибал не в воздушном бою, а в пьяном угаре самоубийцей. Командир авиаполка из-за банальной зависти пытался отдать под трибунал лучшего летчика полка, а потом, когда это не удалось, всю оставшуюся жизнь с гордостью рассказывал и писал, что именно он воспитал национального героя.

На войне было все, что должно и не должно было быть там: любовь, мечты, литературные таланты, бездарные военачальники, несправедливые расстрелы и полное исчезновение сотен тысяч бойцов и командиров как без вести пропавших. Собственно, такова и есть ее житейская правда, сотканная из противоречий, но дающая мудрость.

Согласно директиве Ставки «За форсирование»

В 1943 году И. Сталин, как Верховный Главнокомандующий, приказал разработать критерии награждения командиров за успешное форсирование рек. А вскоре вышла и соответствующая директива Ставки ВГК за № 30178:

«9 сентября 1943 г. 02.00 м.

В ходе боевых операций войскам Красной Армии приходится и придется преодолевать много водных преград.

Быстрое и решительное форсирование рек, особенно крупных, подобных рекам Десна и Днепр, будет иметь большое значение для дальнейших успехов наших войск. В связи с этим Ставка Верховного командования считает необходимым довести до сведения командующих армиями, командиров корпусов, дивизий, бригад, полков, понтонных и инженерных батальонов, что за успешное форсирование крупных речных преград и закрепление за собой плацдарма для дальнейшего развития наступления командиры названных соединений и частей должны представляться к высшим правительственным наградам.

За форсирование такой реки, как Десна в районе Богданово (Смоленской области) и ниже, и равных Десне рек по трудности форсирования, представлять к наградам.

1. Командующих армиями – к ордену Суворова I степени.
2. Командиров корпусов, дивизий, бригад – к ордену Суворова II степени.
3. Командиров полков, командиров инженерных, саперных и понтонных батальонов – к ордену Суворова III степени.

За форсирование такой реки, как Днепр в районе Смоленска и ниже, и равных Днепру рек по трудностям форсирования, названных выше командиров соединений и частей представлять к присвоению звания Героя Советского Союза.

Военным Советам фронтов и армий в течение суток с момента получения настоящей директивы ознакомить с ней командиров соединений и частей, названных в настоящей директиве...»¹

Форсировать Днепр

Итак, Днепр – третья по величине река в Европе после Волги и Дуная. Ее правый берег намного выше и круче, чем левый. Переправа такой реки, ширина которой в низовьях могла достигать трех километров, дело непростое, и особенно, когда на той стороне закрепился за преградами и в специальных сооружениях сильный противник.

После Курской битвы Гитлер приказал своим войскам стоять на Днепре насмерть и отдал приказ о строительстве Восточного вала. Советское командование в свою очередь приняло решение форсировать Днепр с ходу по всему участку фронта, что, безусловно, вело к огромным потерям, но в таком случае у противника не оставалось времени на укрепление своей обороны и возможности перегруппировать свои силы и средства...

Изрядно поредевшие в предыдущих боях части 38-й стрелковой дивизии в двадцатых числах сентября 1943 года остановились буквально в трех километрах от Днепра. Из села под названием Городище очень хорошо был виден его противоположный берег, на котором тесно жались друг к другу украинские хатки села Григоровка. Именно там и предстояло захватить плацдарм 48-му полку этого соединения.

Незадолго до этого недавно назначенный командиром дивизии полковник Богданов на привале собрал офицеров полка и кратко рассказал о предстоящих действиях:

– Наша задача состоит в том, чтобы форсировать реку с ходу, не ожидая прибытия табельных переправочных средств. Нужно действовать быстро, использовать фактор неожиданности, не дать противнику опомниться. – И в конце лишь добавил: – Учтите, на этом участке правый берег довольно крутой и, как сообщают разведчики, сильно укреплен².

Позднее комдив отдал командованию полка следующий устный приказ: «форсировать Днепр, захватить высоту севернее села Григоровка, затем совместно с другими частями овладеть им, закрепиться и удержать плацдарм до переправы на правый берег главных сил дивизии»³.

Советские саперы строят переправу через Днепр северо-восточнее Киева

И командование не на шутку растерялось. В своих воспоминаниях помощник начальника штаба по оперативной работе старший лейтенант Лебединцев объяснит почему: «Видимо, угнетали их и сложность задачи, и отсутствие переправочных средств. К тому же в полку к тому времени был только один батальон из трех положенных по штату. Командовал им старший лейтенант Тихон Ламко. В саперном взводе налицо имелось всего лишь три человека: лейтенант, сержант и ездовой с повозкой, на которой везли саперные мины»⁴.

Командир полка майор Кузминов, как видно из его мемуаров, больше всего переживал за недавно прибывшее в полк пополнение: «Я лежал на плащ-палатке, смотрел в небо, видневшееся в просветах между верхушками деревьев, и снова, в который уже раз, задавал себе одни и те же вопросы.

Беспокоило меня и недавно прибывшее в полк пополнение – молодые солдаты, прошедшие ускоренный курс обучения и еще не нюхавшие пороху»⁵.

Но судя по всему, переживал он больше всего за взятие и удержание плацдарма на том берегу. Михаилу Яковлевичу попросту не хватало ни знаний, ни боевого командирского опыта. Тридцать три года от роду (1910 г.р.). Крестьянское происхождение. За спиной начальная средняя школа, после которой плотничал. В Красной Армии с 1932 года, а в 1938-м окончил курсы младших лейтенантов при Бакинском пехотном училище. На фронте с января 1942 года как исполняющий должность начальника штаба стрелкового полка. До этого старший адъютант отдельного батальона охраны Управления фронта, командир отдельной роты охраны. В июле 1942-го Кузминова назначают командиром батальона охраны штаба фронта. И только в мае 1943-го заместителем командира 48-го стрелкового полка. В должности командира полка он утвержден накануне событий: 15 сентября 1943 года. А 23 сентября ему присваивают звание майора⁶.

С молодым пополнением и переправочными средствами все было куда проще. Как утверждает А.З. Лебединцев, полковой инженер лейтенант Ф. Чирва буквально загорелся выполнением задачи: «Грядущее форсирование настолько раззадорило полкового инженера, что он забыл об обеде и со своими двумя помощниками немедленно принялся обходить дворы Городища, выясняя, у кого есть спрятанные рыбацкие лодки. Селяне их затопили в заводях, чтобы немцы не уничтожили. Когда набралось восемь “посудин”, Чирва построил владельцев в шеренгу, зачитал текст военной присяги и заставил это сделать всех стоявших в строю. Потом они поставили свои подписи в блокноте лейтенанта, и тот поздравил “рекрутов” с зачислением в саперы 48-го стрелкового полка. В заключение Чирва сказал, что самым главным оружием новобранцев, которых даже не переодели в красноармейское обмундирование, будут их собственные лодки и весла на время переправы. С наступлением темноты плавсредства перевезли на повозках к берегу реки и замаскировали в кустах»⁷.

Ночь была удивительно теплая

В сентябре 1943 года девятнадцатилетнего лейтенанта Зайцева назначили в 48-й стрелковый полк командиром взвода пешей разведки. Именно его взводу первым удалось переправиться на другой берег Днепра. Вот как это было: «Ровно в час ночи 23 сентября 1943 года на шести небольших лодках мы отчалили от левого берега Днепра и, преодолевая течение, направились к противоположному берегу, где затаился враг. Мы – это взвод разведки, усиленный саперами и автоматчиками, всего тридцать человек. У нас два пулемета, у каждого – автомат, нож, дюжина гранат, максимально возможный запас патронов.

Ночь была удивительно теплая. От реки поднимался седой туман, словно Днепр хотел прикрыть от вражьих глаз своих освободителей. Противник мог обнаружить нас только на слух, и мы молили судьбу, чтобы туман не рассеялся, пока не достигнем правого берега.

Изредка над нами вспыхивали ракеты, но толщу тумана они не пробивали и, померцав в небе бледными звездочками, гасли и падали в воду. А вода казалась черной, тяжелой и вязкой, как застывающий битум.

А.Н. Зайцев

С юга и севера доносился гул боев. Потом уже я узнал подробности. Севернее нас, в районе населенного пункта Великий Букрин, на сутки раньше преодолели Днепр 12 бойцов во главе с командиром роты лейтенантом А. Алексеевым из 69-й механизированной бригады 3-й гвардейской танковой армии генерала П.С. Рыбалко. Партизаны отряда имени В.И. Чапаева, которым командовал И.К. Примак, помогли танкистам высадиться на участок берега, где гитлеровцев не было. 22 сентября с раннего утра там разгорелся жестокий бой с подошедшими туда войсками противника.

Слева, немного южнее села Григоровка, на полсуток раньше высадились четверка отважных бойцов из 51-й гвардейской танковой бригады – комсомольцы-автоматчики гвардии рядовые Н. Петухов, В. Сысолятин, И. Семенов и В. Иванов. Сопровождал их партизан А. Шаповалов. Смельчаки захватили маленький плацдарм и геройски защищали его, пока не подоспела помощь.

А на нашем участке стояла тишина, тревожная и напряженная, таящая в себе множество неожиданностей. Кто-то нечаянно стукнул веслом о борт лодки, и я невольно вздрог-

нул. Кто-то неумело опустил весло в воду – раздался всплеск, будто рыбина, резвясь, ударила хвостом по волне. Тут же, прошипев по-змеиному, зажглась над нами ракета. Я ждал и думал: “Вот-вот обрушится на реку шквал огня. Закипит вода от пуль и снарядов. И кто-то из нас не доплывет до того берега. Хорошо, если только кто-то. А если всех накроют? Тогда не будет плацдарма, не будет выполнена задача. И снова первыми придется идти другим. И будут новые жертвы. Нет, уж лучше пусть кто-то из нас не доплывет. Пусть даже я... В случае чего меня заменит сержант Николай Новиков, храбрый, смелый разведчик”.

Отогнал назойливые мысли, но все еще было беспокойно: вдруг фашисты ловушку готовят? Только ступим ногой на берег – ударят в упор.

Пересекли середину реки. Ребята нажали на весла, и они слегка заскрипели. Так и захотелось крикнуть: “Да тише вы, черти!”

На веслах были местные жители, хозяева лодок, добровольно вызвавшиеся помочь в форсировании Днепра. Одним из них был Иван Дмитриевич Боровик. Ему предстояло принять боевое крещение на родной реке, а потом уже стать бойцом саперного подразделения. Впоследствии опыт, полученный на Днепре, пригодился ему также при форсировании Молдовы в Румынии и Тисы в Венгрии. Иван Дмитриевич храбро сражался до светлого Дня Победы и вернулся домой, в село Городище, с орденами Красного Знамени и Красной Звезды. А в ту ночь он еще не был бойцом Красной Армии, но шел вместе с нами в пекло.

...У берега шапка тумана оказалась тоньше. Сквозь нее виднелись темные мрачные кручи.

От резкого толчка мы чуть не вылетели из лодки. Оказалось, что ткнулись в песчаный нанос. Вышли точно – к устью широкого и глубокого оврага, с северной стороны господствующей над всей окружающей местностью высоты. Это место мы выбрали для высадки накануне, когда вели наблюдение за вражеским берегом.

Одна за другой подошли остальные лодки. Осторожно, стараясь как можно меньше шуметь, я ступил в воду. Разведчики поспешили за мной. Так и хотелось крикнуть: “Вперед, ребята, за мной, ура!”, взорвать зловещую тишину и сразу покончить с гнетущей неясностью... Но надо было продвигаться вперед осторожно, как можно дольше оставаясь незамеченными.

Вот и берег. Меня опередили саперы. Показал им направление движения – вверх по оврагу, по самой кромке ручья. Обернулся к Новикову, шепнул:

– Передай: идти гуськом, интервал десять шагов.

Стали медленно продвигаться следом за саперами. У ног бурлил ручей.

Подумал: “Будь наверху мы, а здесь фрицы – устроил бы я им в этом овраге западню...”

Саперы остановились и, когда я подошел, шепотом доложили: впереди обнаружена тропа. Значит, совсем близко и траншея гитлеровцев. Она находится в сотне метров от уреза воды и флангом выходит в овраг. Накануне со своего берега мы видели здесь над оврагом дежурного немецкого пулеметчика...

Я положил руку на плечо Новикову и шепнул:

– Давай!

Он исчез в темноте. За ним скрылся и рядовой Сулимов. Через минуту и мы, низко пригнувшись к земле, двинулись к траншее. А там уже шла горячая схватка. Помог Новикову справиться с дюжим гитлеровцем.

– Товарищ лейтенант, он нам еще пригодится, – сказал Новиков.

И не ошибся: пленный сообщил важные сведения.

Между тем мой отряд выбрался из оврага и залег плотной цепью, ожидая дальнейших указаний. Я оставил на месте схватки одного разведчика с пулеметом, остальным приказал обойти траншею с тыла и по сигналу забросать врага гранатами. Сам же, взяв с собой

Новикова, стал продвигаться, прошел несколько шагов, выбирая позицию, с которой удобнее вести огонь вдоль траншеи.

Минуты через три или четыре впереди, куда направились разведчики, раздался чей-то вопль. В тот же миг тишину разорвали разрывы гранат и треск автоматов и пулеметов.

Уже потом выяснилось, что моих ребят обнаружил вражеский офицер. Его хотели взять тихо, но он закричал и всполошил всех.

Мы с Новиковым бросились на помощь завязавшим бой разведчикам. За изгибом траншеи слышали чужую речь. Новиков бросил туда гранату, а я, едва прогремел взрыв и просвистели осколки, открыл огонь из автомата.

Кто-то из фашистов тоже бросил гранату, но Новиков поймал ее на лету и метнул назад. Я бросил гранату туда же. Два взрыва прогремели почти одновременно. Мы пробежали еще немного вперед и увидели на пулеметной площадке клубок тел. Два гитлеровца напали на нашего автоматчика. В руке одного из них мелькнул нож. И опять Новиков продемонстрировал свою блестящую реакцию: удар ноги – и нож отлетел в сторону. Я схватил одного из гитлеровцев за воротник, приподнял и ударил финкой. Наш боец вскочил, воскликнул:

– Спасибо, братцы!

И тут же перезарядил автомат.

– Сейчас я им покажу! – прибавил он и побежал по траншее.

Минут через пятнадцать бой кончился. Только осветительные ракеты все время взвивались над нашими головами. Видимо, противник пытался определить наши силы.

Пользуясь затишьем, я проверил личный состав. Убитых нет. Двое легко ранены.

Достал ракетницу и подал сигнал командиру полка о том, что все в порядке – плацдарм на правом берегу Днепра захвачен.

Примерно через час гитлеровцы обрушили на нас интенсивный огонь из всех видов оружия. Затем предприняли контратаку, которую мы легко отбили, хотя, к сожалению, потеряли двух человек.

Поняв, что просто так нас не взять, враг произвел еще один сильный огневой налет, а потом бросил большую группу пехоты, стремясь во что бы то ни стало сбросить нас в реку. За этой атакой последовала другая, но мы уже крепко вгрызлись в землю.

Наверное, мысли каждого выразил Николай Новиков. Когда была отбита очередная атака, он, вытирая рукавом пот с лица, сказал:

– Нет, сволочуги фашистские, и не надейтесь: теперь нас отсюда не вышибить! Лично для меня земли за Днепром нет. Пусть уж лучше здесь будет моя могила.

Солдаты и сержанты дрались героически. Смертью храбрых погибли Иван Смолокуренько, Василий Бойко, Григорий Шевяков, Степан Звонарев. Раненые оставались, сражаясь, пока были силы.

После каждой вражеской атаки нас оставалось меньше и меньше... Я переходил по траншее от одного к другому, заставляя как можно чаще менять позиции. Да и сам вел огонь из пулемета с разных позиций, чтобы фашисты думали, будто нас больше, чем на самом деле.

Дважды фашистам удавалось ворваться в траншею. И тогда завязывались жестокие рукопашные схватки. На войне, пожалуй, нет ничего страшнее рукопашной, когда ты в самой гуще неприятеля, когда мелькают бешеные глаза, оскаленные рты, перекошенные злобой и болью лица врагов, когда с хрустом вонзаются в тела штыки, а на головы обрушиваются приклады...

Но труднее всего драться врукопашную в узкой тесноте траншей... В один из ожесточенных моментов схватки я едва успел увернуться от удара прикладом, чуть оступился – и тут же сверху всей тяжестью навалился на меня здоровенный фашист. Я упал на дно траншеи, лицом вниз. Автомат подо мной. Фриц стал выкручивать мне левую руку, но правую с ножом я вытянул вперед. Фашист пытался дотянуться до ножа. Щекой почувствовал его

потную противную морду. Он сопел, дышал на меня чем-то до тошноты вонючим. Я изловчился, собрал все силы и вонзил в горло врага нож. А вокруг продолжалась яростная схватка. Выбраться из-под груды убитых уже не было сил. Будто издалека услышал отчаянный крик Новикова:

– Зайцев! Где Зайцев? Лейтенант, вы где?

– Я здесь... Здесь я... Здесь... – еле выдавил из себя.

Новиков разбросал трупы, склонился надо мной и тут же испуганно отшатнулся, увидев, что все лицо в крови.

– Лейтенант, что с вами?

– Помоги подняться, – попросил я.

Он помог стереть кровь и долго всматривался в лицо, все еще не веря, что я жив и стою на собственных ногах, совершенно целехонький, без единой царапины.

– Зайцев! Ты живой, живой! – закричал он радостно.

Немного погодя произошла еще одна схватка. Я увидел, как в сотне метров от меня четверо гитлеровцев ворвались в траншею. По лязгу металла, по крикам определил – началась рукопашная. Побежал туда. Новиков, как всегда, следом, одного меня не оставлял. И все началось снова... Вот где особенно ярко проявилось правило – сам погибай, но товарища выручай. Впрочем, с одной очень важной добавкой – самому-то надо не погибнуть, а победить! В какой-то момент мы оказались перед наведенным на нас автоматом. Тут же кто-то из разведчиков с бруствера прыгнул на врага и этим спас нам жизнь.

Я побежал по траншее туда, где скрылись враги, и столкнулся с одним из них на повороте, да так, что переносицей сильно ударился о его каску. У меня искры из глаз посыпались, а гитлеровец, воспользовавшись этим, успел навести свой автомат... Вынуть пистолет из кобуры, выдернуть нож из чехла или гранату из кармана я уже не мог. Но фашист почему-то медлил, наверное, ждал, когда я выпрямлюсь, чтобы с наслаждением прошить очередью сверху донизу. Поднялся я во весь рост, крикнул:

– Ну, стреляй же, гад!..

И тут очередь сзади, у самого уха, оглушила меня и обожгла щеку. Фашист рухнул как подкошенный, успев нажать на спусковой крючок. Его автомат прогрохотал, выпустив трассу в ночное небо. Я обернулся и увидел разгоряченное лицо Новикова. Обнял его без слов и снова побежал вперед...

Из тридцати воинов полка, первыми форсировавших Днепр, в живых осталось двенадцать – двенадцать иссеченных осколками, насквозь прокопченных порохом, обожженных и контуженных, но не отдавших врагу ни одного из девятисот метров захваченной траншеи»⁸.

Парашютный десант

После ухода Зайцева роты 48-го стрелкового полка укрылись на берегу вместе с лодками в зарослях кустарника. Лебединцев фиксирует: «Весь день мы вели наблюдение за противоположным берегом. Передвижений врага не наблюдалось. Позже выяснилось, что потрепанные германские части были отведены на удаление 15–20 км от русла реки. Немцы никак не ожидали, что русские с ходу решатся форсировать Днепр на подручных средствах, поэтому не организовали оборонительного рубежа на выгодном возвышающемся берегу. Это был их большой тактический просчет»⁹.

И действительно, по донесениям воздушной разведки, в излучине Днепра, между Ржищевом и Каневом, значительных сил противника не имелось, как и не было создано прочной обороны. В таких условиях, с целью развития достижения успеха и расширения букринского плацдарма, командование Воронежского фронта принимает решение высадить в районе города Канева воздушный десант в составе 3 воздушно-десантных бригад. В ночь с 25 на 26 сентября транспортные самолеты совершили 296 вылетов, при этом 13 машин с десантниками вернулись на свои аэродромы, не найдя района высадки, два самолета высадили десантников в глубоком тылу противника. Еще один – в собственном тылу, а один сбросил парашютистов прямо в Днепр. Словом, Каневская воздушно-десантная операция провалилась прежде всего из-за грубых организационных ошибок и отсутствия у офицеров, все того же опыта руководства боевыми частями¹⁰.

Один из участников той операции, С. Мучкаев, напишет в конце девяностых об этом следующее: «...в ночь на 25 сентября 1943 года была произведена выброска Днепровского десанта в количестве около 5000 человек, в числе которых были наша 3-я ГВДБ в полном составе 3050 человек и 5-я ГВДБ (1525 человек). С рассветом десантирование 5-й бригады было прекращено из-за отсутствия всякой связи с десантировавшимися и топлива для самолетов.

А.З. Лебединцев

Немцы не давали возможности нашим самолетам выбросить бойцов в заданных районах, они теряли ориентировку и выбрасывали парашютистов на боевые порядки гитлеровцев и в холодные воды Днепра. Десантники оказались разбросанными на территории 30–100 км вместо 10–15 км. Собрать их вместе оказалось невозможным. Но они в этой обстановке смертельного риска все-таки начали действовать разрозненными отрядами и группами совместно с партизанами.

Позднее основные группы десантников большими усилиями были объединены в бригаду численностью более 1 тысячи человек под командованием командира 5-й ГВДБ Сидорчука. Диверсионные группы взрывали мосты, уничтожали средства связи, транспорт, совершали внезапные и дерзкие налеты на гарнизоны фашистов»¹¹.

По утверждению Лебединцева, советский парашютный десант был выброшен именно в те районы, где приводили себя в порядок немцы. Далее он обращает внимание на следующий факт: «Почти все наши десантники были уничтожены ими. Но вместе с тем войска противника были задействованы там и не смогли выдвинуться к берегу, чтобы помешать

форсированию. Кстати, трофейные парашюты немцы использовали в качестве обивочного материала в своих землянках от просыпающегося грунта, что мы не раз наблюдали после их отхода»¹².

Создание... Букринского плацдарма

Когда стемнело, полковой инженер и командир батальона руководили погрузкой первой роты. Огневого сопротивления не было, и глубоким оврагом бойцы начали выдвижение к высоте 244.5. На этой высоте противник уже успел организовать свой опорный пункт в нескольких километрах от берега реки¹³.

Вторым рейсом, со второй ротой батальона Ламко, на тот берег переправился и ПНШ Лебединцев: «Было за полночь, стрельбы почти не велось. Только редкие очереди трассирующих пуль прочерчивали туман над поверхностью реки да одиночные ракеты мерцали в тумане. Слышался скрип уключин и всплеск воды от весел.

Много за ту ночь появилось у гребцов кровавых мозолей на ладонях, но еще больше проявили они храбрости, скользя на своих утлых лодочках между разрывами снарядов мин и бомб в светлое время. Вот кто постоянно проявлял героизм, по значению сродни пехотной атаке!..

Вот и противоположный берег. Лодка носом ткнулась в прибрежный песок, и мы быстро выскакиваем на берег прямо в расщелину оврага, по дну которого протекал небольшой ручеек. Увлекаю связистов влево, и на четвереньках карабкаемся по крутому склону вверх. Вот и встали на ноги, осторожно продолжаем путь. Показались строения, заходим в крайнюю хату, жители в погребе. Зажгли трофейную плошку, завесили окна и начали устанавливать телефоны и развешивать радиосвязь. До смерти я не забуду позывные тех дней по радио: «Гектар, Гектар, я Авиатор, даю настройку: раз, два, три и т. д.» А телефонисты со штабом дивизии переключались: «Бокал, Бокал, я Сосна. Сосна слушает». Это нельзя забыть! Вспоминалось мне это много раз на встречах с радисткой Раей с Кубани, телефонистками Явдохой из города Ромны и Надей из Тульской области. Последние появились пару месяцев спустя, а до них были только Рая и Маша. Я вывел всех посыльных и связистов во двор. Здесь тумана не было и видимость была лучше. Хата стояла почти под обрывом, который возвышался над ней почти до крыши. Я указал Митрюшкину размер щели, и связисты сразу приступили к ее отрывке, работая посменно и вычерпывая землю стальными шлемами. Через час появились начальник штаба и командир полка. Кузминов с телефонистами пошел на КНП, который ему оборудовали те же телефонисты за селом примерно посредине расстояния между батальоном и штабом полка»¹⁴.

Как вспоминает командир взвода разведки Зайцев, наконец подошла большая группа батальона Ламко: «Перед ней стояла задача: расширить плацдарм, захватить господствующую высоту. Не случайно это нелегкое дело Кузминов доверил именно Ламко, опытному командиру, беспредельно храброму, но расчетливому, хладнокровному, всегда действовавшему с умом.

Когда пехотинцы влились в нашу траншею, мы встретили их криком «ура!». А они наше «ура» подхватили, и этот боевой клич мощно прозвучал над высотой как предупреждение гитлеровцам о том, что пора убираться восвояси, ибо очень скоро последует суровая расплата.

Вскоре прибыл комбат. Мы посоветовались, как действовать дальше. Выслушали предложения сержантов, учли данные, полученные нами от пленных. Выходило, что наиболее слабое место в обороне гитлеровцев было на южных склонах, спускающихся к окраине Григоровки. Фашистам, сидевшим на высоте, никакая опасность со стороны села не грозила. Все внимание они сосредоточили на нашей траншее.

– Вот оттуда мы и начнем их терзать, – сказал Ламко. – Один взвод пойдет по оврагу в обход высоты справа, наделает шуму – пусть фрицы думают, что основной удар мы нанесем оттуда. А на вершину пойдем в лоб.

Я предложил комбату остатками моего отряда попытаться с левого фланга обойти высоту и ударить по обороняющимся с тыла. Он согласился, дал на усиление нескольких бойцов, поделился боеприпасами. Договорились о сигналах и взаимодействии. Затем я собрал свой пополненный отряд, разъяснил задачу, и мы отправились по траншее на левый фланг.

К тому времени небо на востоке уже начинало светлеть, но над землей еще висела густая тьма, а в овражках и лощинах, в распадках и низинах клубился серый туман. Мы передвигались то по-пластунски, то на четвереньках, а где можно было – короткими бросками, используя естественные укрытия на местности.

У северной стороны высоты уже всю «шумел» один из взводов 1-го батальона. Видимо, все силы противник сосредоточил на ее гребне, на восточных и северных скатах. Это обстоятельство значительно облегчило наши действия. Скрытно, ничем себя не обнаруживая, бесшумно ликвидируя встречающихся на пути фашистских солдат, нам удалось по ходам сообщения и траншеям подняться почти до половины высоты. Конечно, времени на подобное “восхождение” ушло немало, и у Ламко, видимо, не хватило терпения. Он поднял подразделение в лобовую атаку. Минут на пять позже и мы с криком “ура!”, пустив в ход гранаты, стреляя из автоматов и пулеметов, бросились на врага. Внезапный удар с тыла был для гитлеровцев неожиданным и ошеломляющим...

Восход солнца мы встретили на вершине высоты. Перед нами открылась величественная картина общего форсирования Днепра. К сожалению, полюбоваться ею как следует не пришлось – из глубины обороны гитлеровцы открыли массированный артиллерийский и минометный огонь по реке и по нашей теперь уже высоте.

– Стреляйте, гады, стреляйте, – приговаривал Новиков, засекая огневые средства противника и нанося их на схему. – Насыпят вам перцу наши артиллеристы.

Захватив высоту, мы лишили гитлеровцев возможности визуально наблюдать за рекой примерно на пятикилометровом участке, а к полудню была освобождена Григоровка. Скоро весь полк переправился на правый берег, а вслед за ним подразделения 51-й гвардейской танковой и 69-й гвардейской механизированной бригад. Началось создание знаменитого букринского плацдарма, сыгравшего значительную роль в сокрушении пресловутого Восточного вала»¹⁵.

Глазами старшего лейтенанта Лебединцева картина на том берегу Днепра обретает несколько иные тона. Но это уже работа штаба полка на плацдарме: «Мой прямой начальник Ершов был, прямо скажем, в каком-то трансе. Вызвано это было, скорее всего, страхом и безысходностью нашего положения на плацдарме, тогда как я воспрянул духом после удачной переправы и руководил всеми делами штаба. Только начало светать, я увидел, что в огороде нашего дома разместилась минометная батарея 120-мм калибра, но не нашего полка. Эти “самовары” принадлежали мотобригаде 3-й гвардейской танковой армии. Я попросил их переместить позиции дальше от штаба полка, но минометчики стояли на своем, утверждая, что позиции заняли раньше нас и никуда не уйдут. Я просил, чтобы Ершов употребил свою майорскую власть, но он только рукой махнул.

Утро обещало ясный день. В чистом небе первыми появились над нами четыре “мессера”. Увидев батарею, они сбросили на нее и на хату по два контейнера с мелкими бомбами. Мы еще до этого все свалились в щель в несколько слоев. Я был верхним и заметил в простенке хаты солдата-связиста, которому не хватило места. Он до бомбежки ошипывал убитую утку. А у стенки, прижавшись к ней спиной, стояла фельдшер, лейтенант медицины, молдаванка Оля Дейкун. <...>

Основной удар мелких бомб пришелся по минометной батарее на “нашем” огороде, где были несколько человек убитых и раненых. Ольга бросилась туда оказывать помощь

пострадавшим. Связисты принялись копать на возвышении яму для тела своего товарища.
<...>

Ю-87

Начальник штаба укрывался под лавкой в хате и разразился бранью за то, что я выбрал именно эту хату. Он впервые с самого начала боев дивизии решил сам лично выбрать место командного пункта и, захватив всех людей штаба, пошел в овраг искать подходящее место, оставив меня и радистку Раю Хабачек поддерживать связь до того времени, пока он не возьмет связь на себя. Минут через пять после их ухода появилась новая волна вражеских бомбардировщиков Ю-87 и Ю-88. Это были фронтовые пикировщики, близко знакомые нам, пехотинцам. Они наносили точные удары по целям, и пришлось они теперь в основном по скоплениям штабов, службам тыла и медучреждениям, облюбовавшим себе спасение во множестве промоин крутых обрывов большого оврага. Были сброшены несколько бомб и по минбатарее. Теперь она практически перестала существовать. Бомбежку я перенес под лавкой, а радистка с испуга забралась в подпечье русской печи и теперь никак не могла вылезть, задевая своими ягодицами и рыдая от страха и темноты. Я предложил ей лечь там плашмя и высунуть ноги; ухватившись за них, я извлек ее всю в курином помете и пыли. Зазуммерил телефон. Это майор разрешил нам двигаться по проводу на новое место. Взгромоздил ей на плечи приемопередатчик, а себе упаковку питания и телефонный аппарат, и через пять минут мы увидели своих, сидящих в промоинах. Теперь, после второй бомбежки, начальник штаба ругал себя за неудачный выбор места, видя вокруг огромное скопление тыловых служб, и повелел мне с Митрюшкиным найти новое место, более укрытое, замаскированное и отдельное от других обитателей. Почти по отвесному скату оврага на четвереньках

мы выбрались севернее, пробежали метров сто пятьдесят вдоль обрывистого берега Днепра и обнаружили именно то, что и было необходимо. Здесь были такие же промоины, но не обозначенные на карте и поросшие терновником, хорошо маскировавшим предполагаемое расположение КП.

Сержант остался с автоматом охранять место, а я вернулся, чтобы привести к нему всех. Впервые Ершов похвалил меня за удачный выбор. Связисты принялись устанавливать связь, а я распределять промоины службам штаба. Громко объявил всем, чтобы не нарушали кусты, и указал, где отрывать котлован землянки. Из всех ПНШ только я один находился при начальнике. Остальные, переправлявшиеся другими рейсами, видимо, блуждали в поисках нас, и я послал на берег к месту причала Митрюшкина, чтобы он указывал место штаба и КНП Кузминова. Только к обеду был доставлен нам поваром Петровичем завтрак на лодке. Петрович был пожилой кубанский казак из станицы Гулькевичи под Армавиром. Он дрожал от пережитого страха после разрывов вокруг лодки и извинялся, что остыли в ведре каша, а в термосе чай. Уже с наступлением темноты он привез нам обед и ужин одновременно. Как мы обрадовались полному ведру жареных окуней, которых он собрал с поверхности реки, возвращаясь на свой берег после завтрака. От разрывов снарядов, мин и авиабомб на реке гибло много рыбы и она всплывала на поверхность и уносилась вниз по течению. Ее даже было видно в бинокль из нашего штаба. Начальник связи капитан Лукьянов часто смотрел в бинокль на противоположный берег, где заправлял переправой полковой инженер Чирва. Рыбу тогда как грибы в лесу собирали многие переправлявшиеся. Ее несло течением также с Щучинской и Зарубинской переправ, которые подвергались бомбежке не менее нашей.

Мы имели свою телефонную связь с находящимся впереди комбатом Ламко и командиром полка. Постоянно была связь с командиром и штабом дивизии, находившимся все еще на левом берегу. Из трех стрелковых полков дивизии только линия по дну реки, наведенная нашим начальником направления связи (ННС) младшим лейтенантом Оленичем И.И., служила безотказно по одной простой причине – она не имела ни одного срыва под водой на протяжении километра и была проложена немецким трофейным кабелем в полихлорвиниловой изоляции. На нашем берегу вынуждены были подключиться к ней и другие два полка, а когда и штаб дивизии переправился на плацдарм, то эта же линия служила проводной связью со штабами 40-й и 27-й армий.

Вот за нее и получил Героя Иван Иванович по моей рекомендации. Хотя этого высокого отличия он вполне заслуживал и за другие дела, часто прикрывая ручным пулеметом КНП Кузминова. Он был истинный Герой, скромный и малоизвестный в дивизии...

К вечеру начальнику штаба захотелось иметь данные о положении рот от непосредственного свидетеля и он послал меня в боевые порядки. Шагал я с посыльным «по проводу». Первоначально я навестил командира полка на КНП, там с ним находился начальник артиллерии, командир поддерживающего артдивизиона капитан Багрянцев и начальник разведки полка старший лейтенант Борисов»¹⁶.

КНП Кузминова

Командир взвода разведки лейтенант Зайцев также быстро нашел КНП (командно-наблюдательный пункт) командира полка: «Во второй половине дня майор Кузминов обосновался со своим командным пунктом на западных скатах захваченной нами высоты, чуть ниже ее вершины. Я кратко доложил ему о выполнении задачи.

– Спасибо, Зайцев! – взволнованно сказал командир полка. – Ты большое дело сделал! Ну а сейчас – разведка, разведка, разведка! Непрерывная, самая достоверная и точная. – И добавил: – Я должен знать, что думает и замышляет противник...

Уходя с командного пункта, я мысленно повторял слова: “Разведка, разведка, разведка! Знать, что думает и замышляет противник”»¹⁷.

С КНП командира полка, как отметит Александр Захарович Лебединцев, открывалась панорама почти всего Букринского плацдарма: «Справа от КНП возвышалась самая высокая точка с отметкой 244.5. Ее пока еще удерживали немцы, но Ламко вел бой за захват этой высоты с тригонометрическим пунктом. Нанеся на карту точное положение КНП и положение противника, мы переместились в батальон. Своего друга я нашел в верховье того самого огромного оврага, который отсюда брал свое начало. Комбат обедал и ужинал одновременно и пригласил меня к котелку с рыбой из того же водоема, только с батальонной кухни, предложив мне “для храбрости” спиртика в кружке, в которой плавало и пшено. Разводить было нечем, и я выпил со всеми градусами. Мы располагались на восточных скатах высоты, а немцы с западных вели обстрел минами через высоту и я, впервые за всю войну, мог наблюдать мгновенное падение и взрыв мин на поверхности земли. Позже мне такое не приходилось наблюдать до самого конца войны. (Вылеты мин из ствола видел много раз, как и полет реактивных снарядов из катюш и установок “БМ-31”).

Той ночью батальон овладел вершиной высоты. 26 сентября он весь день вел бой за Колесище и высоту 209.7, продвинувшись на несколько километров в южном направлении. 27 сентября батальон атакует высоту 209.7, но противник оказывает упорное сопротивление огнем артиллерии и ударами авиации. За день боя 20 человек убитых и раненых. Недостаток боеприпасов в ротах и батареях. Очень сильным обстрелам и бомбежкам подвергается наша переправа. На следующий день продвинуться не удалось ввиду сильного вражеского огня. Разведка отмечает сосредоточение вражеской пехоты и танков.

В ночь с 28 на 29 сентября по приказу свыше происходила перегруппировка войск. Наш полк, передав свой участок, должен был до рассвета принять другой от 337-й стрелковой дивизии. Эту ночь я провел в батальоне, так как при передаче и приеме позиций вышестоящие штабы, чтобы перестраховаться, требовали оформлять прием и передачу по акту, с указанием переданных инженерных сооружений. Это была практически невыполнимая задача в ночное время и в весьма короткие сроки. Но у нас всегда и все было на пределе человеческих возможностей. Ершов в этом отношении был просто деспотом, требуя акты и схемы не от батальонов, а лично от меня. До рассвета батальон успел только занять чужие окопы, ничего не зная ни о соседях, ни о противнике. Перед рассветом я вернулся в наш штаб. Все спали, кроме дежурного. Я попросил его доложить Ершову о моем возвращении и мгновенно уснул в одной из промоин.

В моем боевом донесении, сохранившемся в архиве, не были указаны часы, когда именно началась вражеская артиллерийская подготовка. Видимо, через несколько минут после того, как я уснул мертвецким сном, я слышал сплошной грохот разрывов снарядов и мин. Земля буквально содрогалась. Зарево разрывов покрыло равномерно всю занимаемую войсками площадь на плацдарме. Такого я с декабря 1941 года еще не переживал. Дежурный бегал, выкрикивая мою фамилию. Я зашел в котлован, прикрытый сверху обычной плащ-

палаткой. Ершов с обезумевшими от страха глазами не спросил меня ничего о смене, а сразу заорал: почему нет связи с батальоном и с командиром полка и что творится вокруг?

Доказывать, что я не начальник связи и что не я спал, а он дрыхнул всю ночь, было бесполезным, и я крикнул: “Что еще вам от меня нужно?” Хотя и сам понимал глупость моего вопроса. Но это привело его в чувство, и он спокойнее сказал: “Нужно срочно бежать на КНП к Кузминову и уточнить, где батальон, а по дороге исправить связь”. Я понимал, на что он меня посылает и куда придется идти через сплошной шквал разрывов. И мы пошли по проводу, сращивая перебои провода от разрывов. Вот и верховье большого оврага, поднимаемся на пригорок, где был окопчик КНП. Младший лейтенант связист Оленич вел огонь из ручного пулемета короткими очередями, Кузминов и Бикетов стреляли из карабинов связистов, которые набивали запасные диски к РПД. Увидев меня, Кузминов закричал: “Саша, как ты прорвался через эту стену огня и что вообще сейчас творится?” Телефонист только сообщил о прибытии в штаб, как провод снова перебило разрывом. Со штабом дивизии у командира тоже не было связи, как ее не было, видимо, ни у кого в таком аду. Впереди КНП танконедоступный овраг, откуда были слышны две команды: “форверст” и “фойер”. Но вражеская пехота тоже не лезла под пулеметный огонь. Я доложил о вчерашней смене боевых порядков и о той неразберихе, которая там творилась, что и привело к прорыву нашей обороны, видимо, на три-четыре километра. Командиру еще позавчера нужно было сменить свой КНП, но он почему-то не сделал этого. Ну и часовая артиллерийская обработка всей площади плацдарма позволила врагу вклиниться в наши боевые порядки. Массированность огня противника начала уменьшаться. Уже рассвело, но везде стоял дым и пыль, точно дымовая завеса.

Очнувшись от своих дум Кузминов и решил послать меня с докладом об обстановке к командиру дивизии. Хотя он не знал, где наш батальон и что с полковой артиллерией. Он просил передать, что свой КНП они с начальником артиллерии не покинут и будут отстреливаться до последнего патрона. Он просит командира дивизии открыть огонь артиллерии по этому скату. Говоря возвышенными словами, он вызывал огонь на себя, но, не имея связи, делал это через меня. Только вылез я из окопа, как рядом раздался взрыв снаряда, и меня снова бросило в окоп. Я почувствовал боль в области колена левой ноги. Штанина была разорвана, показалась кровь. Я вспомнил, что в командирской сумке у меня почти год хранится перевязочный пакет, я разорвал прорезиненный чехол и стал накладывать повязку сверху брючины. Встал на ноги и с облегчением подумал, что кость цела. Вдогонку Кузминов крикнул мне, что его адрес записан в книге. Я знал, что его супруга Мария Леонтьевна с сыном и дочерью проживают в Сухуми. Спускались мы вниз к реке, где у самого берега должен был располагаться командир дивизии с оперативной группой штаба. Через полчаса мы были у берега, где, заложив руки за спину, ходил по песку командир дивизии полковник Богданов. В стороне стоял начальник оперативного отделения штаба дивизии майор Петров и пытался дозвониться куда-то по телефону. Здесь же были начальник разведки майор Чередник и дивинженер Эшенбах»¹⁸.

А как же с вызовом огня на себя?

Командир полка Михаил Яковлевич Кузминов в своих мемуарах достаточно подробно описывает события, произошедшие в тот день, хотя и путает дату, называя 26 сентября вместо 29-го: «...бой севернее Григоровки достиг наивысшего напряжения. Стремясь во что бы то ни стало сбить нас с занимаемых позиций и ликвидировать плацдарм, фашисты яростно лезли на высоту, где был оборудован полковой наблюдательный пункт. Нас оставалось все меньше и меньше. Кончались и боеприпасы: на каждое орудие было по 4–5 снарядов. На винтовку – по 5–7 патронов, на автомат – не более половины диска, а к станковым пулеметам, которых на высоте было всего два, – где-то около половины ленты. Фашисты непрерывно бомбили переправу, и доставка боеприпасов задерживалась. Положение становилось критическим.

Около пяти часов вечера противник предпринял мощную атаку. Вражеские танки, обгоняя пехоту, которую мы заставили залечь, ворвались в боевые порядки полка и начали утюжить наши окопы. Один из них переполз через наблюдательный пункт, оборудованный в траншее, и, остановившись метрах в семи позади нас, открыл беглый огонь по переправе. Через реку в это время переправлялось подкрепление во главе с лейтенантом Н.Ф. Медведевым. Понимая, что наш успех на правом берегу во многом зависит от свежих сил, Медведев, несмотря на яростный обстрел, ловко маневрировал между фонтанами разрывов, руководя переправой наспех сколоченных из бревен и досок плотиков. Все же фашистскому танку удалось расстроить переправу. Так нужное нам пополнение задержалось.

В связи с прорывом к нам в тыл вражеского танка все те, кто находился на моем наблюдательном пункте, оказались в отчаянном положении.

Мы с майором Бикетовым (оба к тому времени были ранены) прижались к стенкам траншеи. Лейтенант Оленич, скрипя зубами, смотрел в остановившийся позади нас вражеский танк. Хоть зубами грызи этот “тигр”: у нас не было ни противотанковых гранат, ни бутылок с горючей смесью. А вражеская пехота, подгоняемая командами офицеров, опять устремилась на высоту, все ближе подбিরаясь к полковому НП.

Что делать? Ведь если фашисты возьмут высоту, они легко прорвутся в Григоровку, и весь плацдарм будет под угрозой ликвидации. После недолгих размышлений я приказал Бикетову вызвать огонь по нашему наблюдательному пункту. Майор внимательно посмотрел на меня и дал условный сигнал. С НП артиллеристов запросили:

– Где ваш “первый”? – так условно именовался командир полка.

Я взял микрофон у майора Бикетова и сказал:

– Нахожусь у края «ленты» (условное название Днепра). Прошу немедленно открыть огонь по высоте.

– Понятно! – ответил артиллерийский наблюдатель. И вслед за этим все вокруг загремело, загрохотало, в небо полетели комья земли. Высоту окутали дым с пылью, закрывшие небо. Мы с Бикетовым лежали на дне траншеи, тесно прижавшись друг к другу.

Вражеский танк, пятясь назад, переполз через нас, привалив землей сержанта Николая Семенова. Если бы фашисты знали, что в траншее расположен наш НП, где находились два майора, лейтенант и три солдата-связиста, они, конечно же, нас живыми не оставили. Достаточно было водителю вражеского танка развернуть машину над нами, «поерзать» на месте, и мы оказались бы заживо погребенными.

Но теперь фашистам было не до этого. Наша артиллерия и катюши накрыли высоту, расстроили боевые порядки танков. Не менее десятка бронированных машин вспыхнуло, и теперь они огромными кострами догорали на склонах. Спасаясь от мелких залпов, гитлеровцы бросились наутек, оставляя на высоте убитых и раненых.

Вдруг мы слышали громкое “ура!”. Это наши бойцы уже поднимались на высоту. О том, что мы вызвали огонь на себя, в штабе полка, располагавшегося возле Днепра у обрыва, никто не знал. Когда наша артиллерия начала бить по высоте, начальник штаба майор Ершов и мой заместитель по политической части майор Гордаций пришли к мнению, что на НП никого не осталось. Решили, что мы погибли, и, чтобы спасти плацдарм, подняли по тревоге офицеров штаба полка, саперов, минометчиков, даже легкораненых и повели их в атаку на высоту. К этому времени подоспело и пополнение, доставленное через Днепр лейтенантом Медведевым»¹⁹.

Когда Михаил Яковлевич Кузминов писал свои мемуары, вряд ли он думал о том, что бывший ПНШ по оперативной работе старший лейтенант Лебединцев тоже возьмется за написание воспоминаний. Но если и думал, то уж точно не предполагал, какую правду напишет его подчиненный: «Я доложил комдиву о просьбе Кузминова, и он потребовал указать его место на карте и на местности. Потом он спросил, где наш штаб. Я ответил, что здесь же на пригорке в промоинах, и он отпустил меня, наказав: немедленно на том берегу собирайте всех способных держать оружие и переправляйте их сюда. Увидев здесь нашего офицера связи лейтенанта Медведева, я взял его с собой. Начальник штаба обрадовался моему возвращению, и я передал приказ комдива. Ершов тут же поставил задачу Медведеву переправиться на тот берег, провести там тотальную мобилизацию и доставить всех на наш берег. В связи с продвижением противника теперь вся территория плацдарма простреливалась не только артиллерийским и минометным, но и пулеметным огнем.

После обеда Медведев доставил сюда из тылов всех и моего писаря в том числе. Оказалось человек двадцать. Убедившись, что я могу ходить, Ершов, опять же, поручил мне идти с отрядом на КНП командира и найти его живого или мертвого. Как ни странно, на месте КНП оказались только связисты. Один из них был убит и один ранен. Я спросил о судьбе командира полка, и Оленич сказал, что оба майора ушли к соседям для поддержания связи и не вернулись. Связь снова была наведена, и я доложил Ершову и в штаб дивизии майору Петрову о том, что командир был жив и где-то у соседей. На его КНП двадцать солдат под командованием Медведева.

Начальник штаба полка хотел послать меня на поиски Кузминова, но это было все равно, что искать иголку в стоге сена, и он приказал мне вернуться на командный пункт. Ужасная тревога немного улеглась. Возвращаясь назад, я видел нескольких раненых, один из них даже песню пел. Я подумал, что, кроме ранения, он еще контужен. Но он на полном серьезе объяснил мне причину своего веселья – теперь на месяц как минимум попадет в госпиталь, где отмоется, отоспится и, может, приударит за санитаркой. Было и такое...

К вечеру на КНП появился адъютант, старший батальона старший лейтенант Николенко, который сообщил о том, что батальон отошел на свои прежние позиции на высоте 244.5. С ним остатки роты автоматчиков и разведчики под командованием Зайцева. А командир батальона старший лейтенант Ламко отправлен в полевой госпиталь тяжело контуженым»²⁰.

В итоговом боевом донесении штаба 48-го стрелкового полка за 29 сентября 1943 года ПНШ Лебединцев (он его переписал спустя годы в ЦАМО) докладывал: «Роты, не успев принять новые районы обороны, приступили к отражению начавшегося наступления противника. Это был самый ожесточенный день. Окончились боеприпасы, контужен командир батальона, в командование вступил адъютант старший Николенко, погиб один из ротных командиров. Пехоту поддерживали рота автоматчиков полка и взвод пеших разведчиков. Отвагу проявили связисты сержант Перевозчиков и рядовой связист Лыткин. Пал смертью героя командир роты автоматчиков лейтенант Бахтин. Получили ранения начальник разведки старший лейтенант Беличенко, ПНШ-6 капитан Зернюк, парторг полка капитан Ново-

жилов, пропагандист полка капитан Носов. На переправе тяжело ранен полковой инженер Чирва. Комбатом назначен капитан Лихолай из полкового резерва».

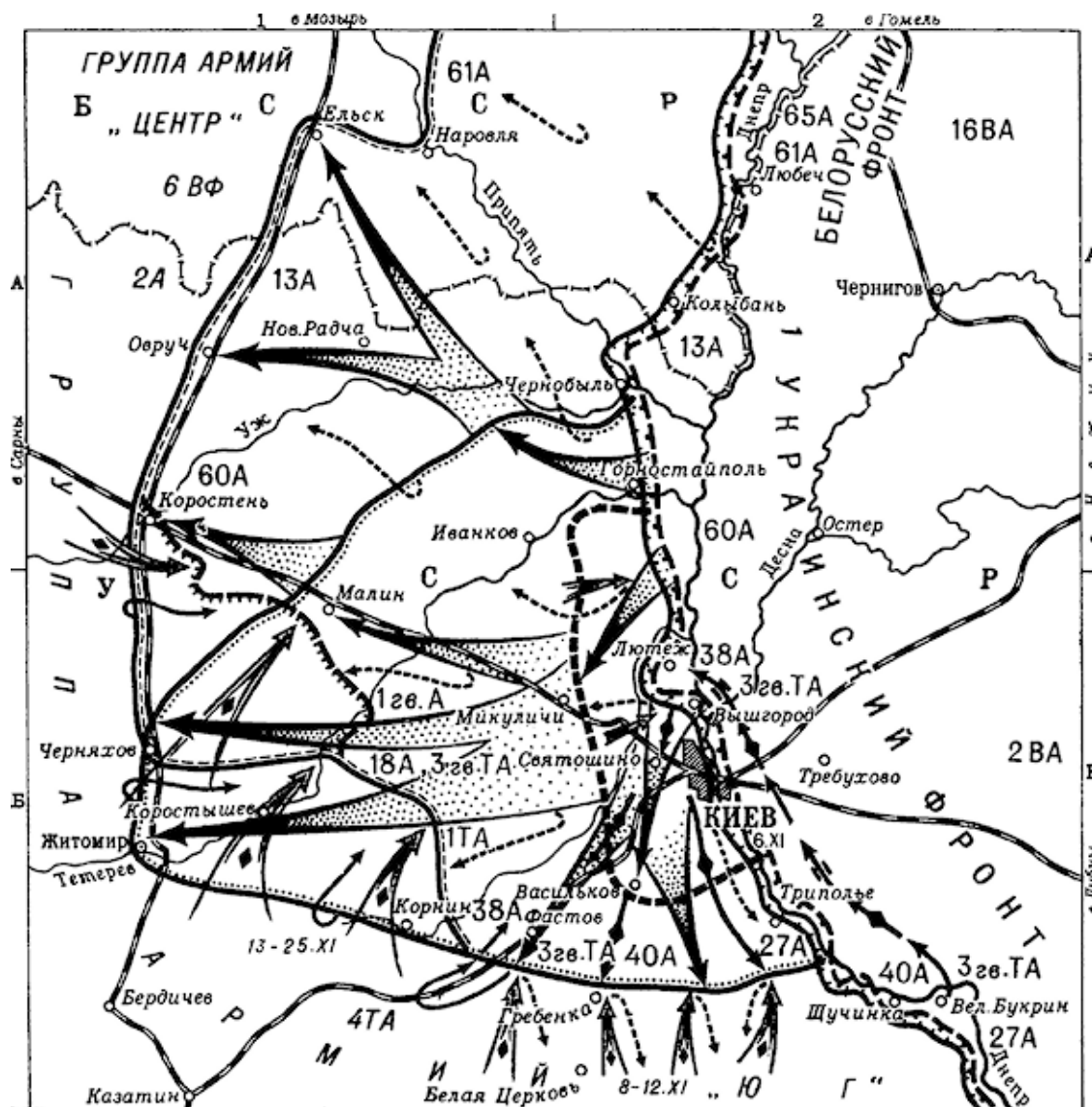
Последующие дни боевых действий на плацдарме Александр Захарович описал благодаря своим детальным выпискам в архиве Министерства обороны: «30 сентября противник предпринимал неоднократные попытки продолжить свое наступление, но все они нами были отражены с юго-восточных скатов высоты 244.5. 1 октября продолжалась только артиллерийская перестрелка, без активных действий пехоты. Ночью подразделения полка были смещены вторым батальоном 22-й гвардейской мотострелковой бригады и выведены на южную окраину Григоровки. Противник, видимо, обнаружил сосредоточение нашей пехоты и танков в колхозном саду и нанес очень сильный, массированный артиллерийский налет по этому району. Командный пункт нашего полка временно разместился в подземном хранилище для зимнего содержания ульев пчел. Этот подвал имел до полутора метров земляной насыпи. После обстрела я насчитал три прямых попадания крупного калибра, но даже они (слава советским колхозникам!) не смогли разрушить надежное перекрытие. Противнику удалось попасть и поджечь два наших танка. В этот артналет погиб начальник связи полка капитан Лукьянов, а при переправе был убит ПНШ-4. Таким образом, за двое суток в штабе полка из шести помощников начальника штаба полка остался я один. Но даже это несколько не смущало начальника штаба полка, и он продолжал каждую ночь посылать меня на передний край для уточнения положения и проверки бдительности несения боевой службы и дежурства в ночное время. Мы в ротах бывали подчас чаще, чем батальонный командир и его адъютант старший (начальник штаба). А на мне постоянно лежали обязанности в организации смен боевых позиций и частых перегруппировок в обороне.

4 октября отбиты две ночные атаки противника на переднем крае. За два дня боев потеряли убитыми и ранеными 28 человек. К 12 часам в полку остался всего 21 человек так называемых «активных штыков», то есть два отделения из 91 стрелкового отделения, положенного по штату в полку. Такого я не встречал ни в одной из армий, ни в одной из войн, которые мне приходилось изучать.

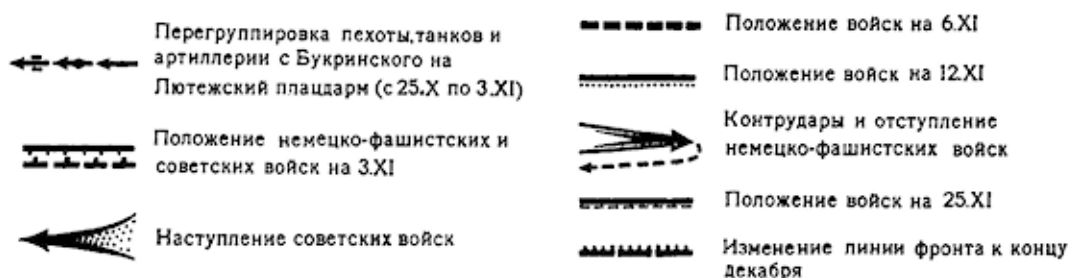
Два последующих дня активных действий почти не велось. 9 октября мы были выведены с переднего края для получения пополнения. Через сутки мы снова заняли свои позиции в обороне. 12 числа после 40-минутной артподготовки и бомбоштурмовых ударов авиации в 7 часов 40 минут части дивизии перешли в атаку на самом левом фланге нашего плацдарма. Наступали вместе с соединениями 27-й армии, которая была введена из второго эшелона Воронежского фронта и брошена на расширение Букринского плацдарма с 40-й общевойсковой и 3-й гвардейской танковой армиями. Но противник сосредоточил на этом участке семь пехотных, танковую и мотомеханизированную дивизии, которые стояли насмерть, не допуская расширения этого плацдарма. Первая атака не дала результатов, так как удалось только сблизиться, но не прорвать оборону врага. В 14 часов, после повторного артналета, наши части прорвали несколько траншей и продвинулись от трех до пяти километров и снова были остановлены на рубеже Бучак, Иванов на заранее подготовленном противником рубеже. Много было потеряно танков и личного состава. Теперешняя дистанция соприкосновения составляла 25–30 метров и позволяла немцам добрасывать свои ручные гранаты прямо в наши траншеи, а наши, из-за коротких рукояток для броска, снова не долетали, как и в боях под Сумами. Командный пункт полка переместился в ночь на 13 октября в овраг в лесном массиве южнее Григоровки полтора километра. Потери за эти два дня боев в полку составили убитыми 19, ранеными 132 и пропал без вести 21 человек (чаще всего оказывались в плену). Призванные до Днепра в армию снова сдавались в плен, теперь уже без окружения и отступления. Каждый день мы делаем попытки продвижения, но все они безуспешные. Я по-прежнему в штабе один из всех шести помощников. Некому даже дежурить по штабу».

Что же касается командира полка, то он вместе с начальником артиллерии нашелся не сразу, но зато в совершенно полном здравии. Вот как об этом свидетельствует А.З. Лебединцев: «Во время одной из послевоенных встреч однополчан в Григоровке бывший командир штабного взвода связи Бережной рассказал мне, что когда Кузминов и Бикетов вернулись после двухсуточной отлучки из полка во время наступления немцев на плацдарм, их вызвал командир дивизии полковник Богданов на свой КНП на берегу реки и спросил, где они были? Кузминов сказал, что искали связь с соседом. Тогда комдив нанес ему пощечину, сказав при этом: “А как же с вызовом огня на себя? Искупить кровью!”»²¹.

Лейтенант Зайцев до конца своей жизни не забудет, как однажды командир дивизии полковник Богданов вызвал к себе на командный пункт группу наиболее отличившихся офицеров: «Тепло поблагодарив за мужество, проявленное при форсировании, он сказал:

КИЕВСКАЯ НАСТУПАТЕЛЬНАЯ ОПЕРАЦИЯ 1943 г.

Киевская наступательная операция

— Вы совершили подвиг. Но впереди бои не менее жестокие. Враг будет пытаться сбросить нас в Днепр. Мы не должны допустить этого. Под фашистским сапогом еще стонет древний Киев — столица Украины. Освободить его, очистить от оккупантов — наша с вами святая и почетнейшая задача.

Командир дивизии зачитал представления к награждению орденами на некоторых из присутствовавших офицеров. Я не думал, что совершил что-либо особенное, поэтому для меня были неожиданностью слова комдива:

— Вас, лейтенант Зайцев, представляю к ордену Красного Знамени!

– Служу Советскому Союзу! – ответил я взволнованно.

Недолго длилась встреча. Времени я тогда не засекал, но, наверное, заняла она не более десяти минут. А запомнилась на всю жизнь. Я и теперь не перестаю удивляться, как могли и как умели наши командиры в сложнейшей боевой обстановке выкраивать время для того, чтобы встретиться с отличившимися, вызвать их к себе или найти их в окопе, в блиндаже, на самой передовой линии сражения, побеседовать по-отечески, сказать теплое командирское спасибо. Конечно, сражаясь с врагом, мы не думали о наградах и славе, не ради них проливали кровь и совершали подвиги. Нет. Беспредельная, горячая любовь к Родине и святая, жгучая ненависть к врагу – вот два главных великих чувства, которые поднимали и вели нас в бой. И все-таки кому же не хочется, чтобы старший товарищ, командир или начальник, отметил успех в ратном труде? Душевная благодарность, а тем более награда придают воину сил, вдохновляют, зовут к новым боевым свершениям.

На встрече у командира дивизии присутствовало всего лишь пятнадцать – двадцать солдат, сержантов и офицеров из различных подразделений. Однако это не означало, что, кроме них, никто не заслуживал такого почета. В память мою врезались слова полковника Богданова:

– Чтобы встретиться со всеми отличившимися и лично поблагодарить их за проявленные отвагу и мужество, я должен был бы пригласить сюда всех без исключения воинов дивизии. Но, к сожалению, сделать так не позволяет обстановка. Я должен был бы назвать здесь всех, кто действовал храбро и умело, кто пролил кровь и не пощадил в бою своей жизни, но для этого потребуется очень много времени.

Затем он попросил нас передать его сердечное спасибо своим сослуживцам»²².

Командира полка майора Кузминова среди присутствующих не было.

Принялись делить награды

Через два дня после форсирования Днепра, свидетельствует Александр Захарович, поступили устные указания о представлении всех офицеров к орденам, а солдат и сержантов к орденам и медалям. Вот как это происходило: «Оформлением занимались писари и делопроизводители у ПНШ по учету, которые обычно вели списки живых и убитых, совершенно не владея ни военными терминами, ни лексикой, поэтому писали, что на ум взбредет. В саперном батальоне были представлены четыре человека – командир роты и три сапера – к званию Героя Советского Союза. Фантазия писаря дошла только до того, что он сумел, не повторяясь, записать в качестве подвига затыкание пробоин в лодках: у одного – портянками; у другого – бельем; а у третьего – обмундированием, и приписал всем фантастическое количество перевезенного через Днепр личного состава, вооружения, боеприпасов и воинских грузов. Дальше фантазия писарей не пошла, а командирам, подписывавшим эти представления, не было времени уточнять и тем более корректировать или исправлять их, так как некоторые командиры не могли сами написать донесения или расписки, а то и письма близким, поручая это писарям. С мая 1943 года и по февраль 1944 года я нашел в архивах только одну записку из трех строк, написанную собственноручно начальником штаба полка майором Ершовым, и ни слова, написанного всеми командирами нашего полка. Даже нет исправлений их рукой. В минуты затишья на переднем крае Кузминов обычно брал папку с представлениями, читал фамилию, смотрел, на какой орден воин представлялся, держал совет с начальником артиллерии, решал: “Дадим!” – и ставил свою подпись после согласия майора Бикетова. Однажды, когда нас вывели на сутки для получения пополнения, Кузминов оказался в штабе дивизии, а там был получен приказ о том, что на дивизию выделена наградная норма на Героев Советского Союза в количестве 50 человек. Комдив решил в стрелковых полках сделать по десять героев, а остальные 20 отдать саперам, артиллеристам, связистам, противотанкистам и другим службам. <...>

Принялись делить награды на “военном совете” полка, состоявшем из командира, замполита, начальника штаба и начальника артиллерии. Присутствовал и я во время этого разговора. Сидят командиры и смотрят друг на друга. В это время никто из офицеров штаба еще не был представлен даже к обычным орденам. Молчание затягивалось, и я сказал: “Что тут гадать, представлять надо Ламко, Чирву, Зайцева, командира роты лейтенанта Мехеева М.В. и представленных из батальона: младшего лейтенанта Жуйкова Ф.И., вступившего в командование батальоном адъютанта старшего Николенко В.А.; командира пулеметного расчета старшину Телефанова; пулеметчика Карпенко; командира батареи 76-мм орудий старшего лейтенанта Косенкова и командира орудия старшину Осина”. Все сразу согласились, хотя Николенко написал представление сам на себя и у него в нем ничего не соответствовало статуту ГСС. После этого я позвонил в штаб дивизии и просил начальника связи дивизии оформить представление на Героя нашему начальнику направления телефонной связи младшему лейтенанту Оленичу И.И. Он обещал сделать»²³.

Однако все оказалось гораздо сложнее, о чем и свидетельствует бывший помощник начальника штаба полка: «Примерно через неделю я докладывал по телефону обстановку на переднем крае начальнику оперативного отделения штаба дивизии майору Петрову В.И., моему непосредственному “патрону” в вышестоящем штабе. В конце он поздравил меня с орденом Отечественной войны 2-й степени, которым был награжден и он сам, и некоторые наши офицеры, тоже представлявшиеся на Красную Звезду. В этом же приказе вместо Героя получали такой же орден Николенко и Осин. А Жуйков, Зайцев, Карпенко, Косенков и Ламко награждались орденами Красного Знамени. Во всей дивизии вместо разнарядки в 50 человек

геройство получили только 16, а все остальные получили ордена Красного Знамени или даже ордена Отечественной войны 2-й степени. А произошло вот что.

Первоначально 22 и 23 сентября форсировали Днепр в его большой излучине соединения 40-й общевойсковой и 3-й гвардейской танковой армий. Это был первый на этой реке плацдарм, названный, как и два населенных пункта – Большой и Малый Букрин – “Букринским”. В 40-й армии две дивизии форсировали Днепр в районе Ходоров (253 и 337 сд), 161-я в районе Зарубинцы и наша, 38-я, в районе Григоровки. Мотострелковые части 3-й гвардейской армии высаживались только в двух последних населенных пунктах, и произошло невольное перемешивание боевых порядков. После первого, самого значительного контр-удара противника 29 сентября на плацдарм был введен второй эшелон Воронежского фронта – 27-я армия под командованием генерал-лейтенанта Трофименко. Ее соединения в самом форсировании участия не принимали, а переправлялись по наплавному мосту и на пароме уже без воздействия огня противника. Поэтому в первоначальную разнарядку на геройские звания они не вошли. Эта армия вводилась в центре оперативного построения и отрезала 38-ю дивизию на самом левом фланге плацдарма от главных сил 40-й армии. В связи с этим наша дивизия была переподчинена 27-й армии. Такое происходило часто.

Оформили представления на 50 человек к званию Героя по распоряжению командующего 40-й армией генерал-полковника Москаленко К.С., а представлять их в Верховный Совет пришлось уже через командующего и штаб 27-й армии, на которую разнарядка на Героев, естественно, не выделялась, а соблазн был велик. Вот и решил командарм Трофименко за счет нашего лимита прославить и своих людей, тем более что и у него многие отличились, но уже не за форсирование, а за бои по расширению плацдарма. Сейчас очень трудно подсчитать, сколько получено Героев в 27-й армии, но они безусловно есть, в том числе и за счет Героев нашей дивизии»²⁴.

Первыми кандидатами на присвоение звания Героя Советского Союза в 48-м стрелковом полку были однозначно названы полковой инженер Ф.Т. Чирва и командир батальона Т.Ф. Ламко. Они действительно заслужили это высокое звание. Тем не менее комбата наградили орденом Красного Знамени, а представление на инженера и вовсе пропало. Как указывает Лебединцев, начальник штаба полка Ершов таким образом отомстил инженеру из-за неразделенной любви²⁵. Капитана Федора Тимофеевича Чирву к ордену Красного Знамени представит очередной командир полка только в октябре 1944 года. В наградном листе будет совершенно справедливо написано: «Во время форсирования реки ДНЕПР товарищ ЧИРВА с отделением сапер и с небольшой группой стрелков непосредственным руководством под сильным артиллерийским и пулеметным огнем противника сумел переправить на подручных средствах весь полк с артиллерией и минометами. При этом товарищ Чирва был тяжело ранен в грудь...»²⁶

Как мы помним, лейтенант Зайцев со своим взводом разведчиков самым первым переправился через Днепр и не меньше других заслужил звание Героя. Однако его не получил, о чем свидетельствуют два наградных листа, оформленных в октябре 1943-го.

На первом стоит дата 19 октября: «Лейтенант Зайцев за период боевых действий полка во время форсирования реки Днепр и при расширении плацдарма правобережья, командуя работой автоматчиков 48 стрелкового полка первым со своей ротой переправился на правый берег и закрепился на нем. В одну из атак, превосходящими силами противника Зайцев воодушевил личным примером своих бойцов и повел роту в контратаку, уничтожив 115 немецких солдат и офицеров и занял высоту.

В дни расширения правобережного плацдарма Зайцев несколько раз водил роту в атаку, уничтожая живую силу и технику противника и имея успех.

Представляю к правительственной награде ордену Красной Звезды...»²⁷

На втором стоит дата 25 октября: «Командир взвода пеших разведчиков лейтенант Зайцев с 24 по 25 сентября 1943 г., получив приказ на разведку обороны противника на правом берегу Днепра, на переплавных средствах, поделанных из подручного материала, пользуясь вечерними сумерками, под сильным огнем противника первым форсировал реку без потерь. Точно установил передний край обороны и расположение огневых точек противника.

29 сентября 1943 г. противник силами до батальона, пользуясь сплошным туманом, перейдя в контратаку на стык 48 стрелкового полка и 165 стрелкового полка 61 стрелковой дивизии, вклинился в нашу оборону. Лейтенант Зайцев со своим взводом сильным огнем из винтовок и автоматов задержал часть наступающего противника, перешел в контратаку и уничтожил до роты немецких солдат, чем сорвал наступление немцев и дал возможность другим подразделениям удержаться на занятых рубежах правобережья.

Представляю к высшей правительственной награде, званию – Герой Советского Союза...»²⁸ Но вместо Героя Зайцева наградили орденом Красного Знамени.

Начальнику артиллерии 48-го стрелкового полка майору Бикетову повезло тогда больше всех. Как свидетельствует А.З. Лебединцев, Бикетов «остался на том берегу переправлять свои орудия и минометы и сделал это весьма удачно, так как попался на глаза командующему артиллерией 40-й армии полковнику Бобровникову, который поинтересовался, кто руководит переправой орудий, и Иван Владимирович скромно назвал, разумеется, свою фамилию и должность. Адъютант записал, и в тот же день было оформлено представление на Героя, даже без уведомления прямого начальника Бикетова – командира нашего полка. Уже 23 октября был подписан Указ о присвоении ему звания Героя. Это был первый из указов на Героев за Днепр»²⁹.

Александра Захаровича Лебединцева я лично знал не один год и хочу сказать, что этот умный и интереснейший человек написал в своих воспоминаниях сущую правду. Нравится она кому-то или нет. Я также твердо знаю, что, как прекрасный штабной офицер с академическим образованием и солидным боевым опытом, он даже некоторые мелкие детали, о которых писал в своей книге, уточнял в архиве МО СССР. Какие-то данные ему удалось узнать в период службы в Главной инспекции Министерства обороны СССР.

Поэтому попытки некоторых недоверчивых обывателей обвинить Александра Захаровича во лжи я считаю голословными. Мне доподлинно известно, что настоящий ветеран Великой Отечественной войны, окопник, пехотинец, полковник в отставке Лебединцев до конца своих дней хотел только одного: писать и говорить правду. Чем успешно и занимался последние десятилетия своей жизни.

Но вернемся к начальнику артиллерии. Как и утверждает Александр Захарович, наградной лист на майора Бикетова действительно был подписан в тот же день в сентябре 1943 года командующим артиллерией 40-й армии гвардии полковником Бобровниковым. Вот его текст: «С выходом наших частей на р. Днепр майор БИКЕТОВ в ночь на 24 сентября 1943 года под сильным артиллерийским огнем противника, собрав подручные средства переправы, организовал переправу средств артиллерии на правый берег р. Днепр.

Сильный артиллерийский и пулеметный огонь противника затруднял организацию переправы. Майор Бикетов личным примером, отвагой и бесстрашием, находясь в воде, воодушевлял личный состав и руководил переправой, в результате в течение ночи было переправлено 2 76-мм орудия ПА, 8 45-мм орудий, 10 82-мм минометов, транспортные средства. Чем обеспечил захват на правом берегу р. Днепр плацдарма, немедленно вступил в бой с подошедшими немецкими частями, прикрывая дальнейшую переправу наших частей в районе Григорьевка (так в документе)...»³⁰

Командир полка майор Кузминов больше всех попадал под ту самую директиву Ставки, подписанную Верховным Сталиным. В результате даже об оставлении КНП при-

шлось забыть. Да и командир дивизии Богданов скорее всего никому об этом наверху так и не успел рассказать. На том, что называется, и порешили 25 октября 1943 года: «Командир 48 стрелкового полка майор КУЗЬМИНОВ (так в документе), полком, преследуя противника, к вечеру 24.9.43 г. основной частью полка подошел к реке Днепр, на участке Григоровка, несмотря на сильное воздействие авиации противника и сильный артиллерийский и минометный огонь, с правого берега реки Днепр, майор КУЗЬМИНОВ, при полном отсутствии табельных переправочных средств, организовал форсирование полком реки Днепр используя подручные средства, рыбацьи лодки, бочки, построил два плота и с помощью всего этого всю пехоту полка со стрелковым вооружением и минометами переправил на правый берег реки ДНЕПР и с боем овладел высотой южнее Григоровка. В дальнейшем ведя бой по расширению плацдарма овладел высотой 209.7 и выполняя приказ командования прочно удерживает достигнутый рубеж...»³¹ Далее, как обычно «...За успешное форсирование реки ДНЕПР и проявленные при этом мужество и героизм...»³²

Почему 25 октября, а не раньше? Да потому, что командира 38-й стрелковой дивизии полковника Богданова сняли с должности 29 сентября 1943 года. Иначе майор Кузминов вряд ли стал бы Героем! Сняли комдива вроде как за пленение штаба и роты связи 29-го стрелкового полка его соединения.

Примечательно, что самого полковника Богданова за Днепр представили к ордену Ленина аж 19 ноября 1943 года: «Дивизия полковника Богданова стремительно преследуя противника к 22 сентября подошла к реке Днепр и одной из первых в ночь на 25 сентября 1943 г. на подручных средствах переправилась на правый берег Днепра и 25.09.43 г. заняла с. Григоровка.

Памятный снимок 1945 г. Сидят: майор В.И. Петров (начальник оперативного отдела), подполковник М.Я. Кузминов (командир 48-го стрелкового полка), капитан Т.Ф. Ламко (комбат 48-го стрелкового полка). Стоят: капитан А.З. Лебединцев (ПНШ-1 48-го стрелкового полка) и рядовой А.Д. Нестеренко

29 сентября 1943 г. части дивизии отразили контратаку крупных сил противника, уничтожив при этом до батальона пехоты противника. В последующих боях дивизия, руководимая полковником Богдановым, показала образцы мужества и отваги...»³³

Командир 295-го стрелкового полка 183-й стрелковой дивизии 52-го стрелкового корпуса полковник Александр Владимирович Богданов погиб в бою 5 апреля 1944 года³⁴.

Герой Советского Союза – это святое

Сегодня уже мало кто вспомнит документальную повесть Артема Боровика «Спрятанная война». Она посвящалась завершающему этапу вывода советских войск из Афганистана. В этой повести много лиц, но среди них мне до сих пор запомнился образ комбата капитана Ушакова. Артем Боровик очень колоритно передал глубину души этого офицера:

«— Б-беден тот, – сказал Ушаков, бросив в кружку пару кусков сахара, – кто видит снег только белым, море синим, а траву зеленой. И журналист это тоже должен понимать. Иначе про эту в-войну писать нельзя. Иначе – фальшь и ложь... Сколько мне приходилось читать о сражениях, которых и в помине не было, а о реальных боях – молчок. Сколько трусов мы провозгласили героями, а и впрямь храбро воевавших людей газеты игнорировали. “Чирик” (штабист) ходит весь в орденах, а солдат...

Ушаков махнул рукой. Через мгновение язык пламени в печке метнулся в сторону.

– Вот случай был, – комбат поставил вылизанную хлебом сковородку на пол. – На заставе. Пошел один боец в к-кусты по н-нужде. В этот миг ударила безоткатка и заставу накрыло. Все погибли. Но тот, в кустах, выжил. Случай был подан позже наверх так, будто парень один отстреливался в окружении и победил.

– И что же? – спросил я.

– Героем сделали. Другой эпизод. Ротный вез на БТРе проверяющего из Союза. Подъехали к пе-персиковой роще. Проверяющий сказал: “Эх, вот бы персиков набрать домой!” Ротный оказался смышленным: остановил машину, прыгнул, но неудачно – на мину. Оторвало обе ноги. Проверяющий, чувствуя свою вину, сделал все, чтобы ротного представили к Герою... Ты не думай, я не з-завидую. Боже меня упаси. Я п-просто хочу сказать, что Герой Советского Союза – это святое...»³⁵

И я хотел сказать о том же самом... Герой Советского Союза, Герой России... это всегда должно быть святое.

Примечания

¹ ЦАМО РФ. Ф. 148а. Оп. 3763. Д. 103. Л. 271–272.

² Кузминов М.Я. О боях-пожарищах, о друзьях-товарищах... Киев, 1983.

³ Там же.

⁴ Лебединцев А. Страда Букринского плацдарма // НВО № 43, 2006.

⁵ Кузминов М.Я. Там же.

⁶ ЦАМО РФ. УПК на Кузьмина Михаила Яковлевича.

⁷ Лебединцев А. Там же.

⁸ Зайцев А.Н. На острие красных стрел. М., 1988.

⁹ Лебединцев А. Там же.

¹⁰ Гончаров В. Днепровская десантная операция. Десанты Великой Отечественной войны. Сборник. М., 2008.

¹¹ Мучкаев С. Днепровский десант. Известия Калмыкии, 08.08.1998 г.

¹² Лебединцев А. Там же.

¹³ Лебединцев А. Там же.

¹⁴ Лебединцев А. Отцы-командиры. М., 2004.

- ¹⁵ *Зайцев А.Н.* Там же.
- ¹⁶ *Лебединцев А.* Там же.
- ¹⁷ *Зайцев А.Н.* Там же.
- ¹⁸ *Лебединцев А.* Там же.
- ¹⁹ *Кузминов М.Я.* Там же.
- ²⁰ *Лебединцев А.* Там же.
- ²¹ *Лебединцев А.* там же.
- ²² *Зайцев А.Н.* Там же.
- ²³ *Лебединцев А.* Там же.
- ²⁴ *Лебединцев А.* Там же.
- ²⁵ *Лебединцев А.* Там же.
- ²⁶ ЦАМО. Ф. 33. Оп. 690306. Д. 413. Л. 43.
- ²⁷ ЦАМО. Ф. 33. Оп. 686044. Д. 1108. Л. 23.
- ²⁸ ЦАМО. Ф. 33. Оп. 686044. Д. 1103. Л. 227.
- ²⁹ *Лебединцев А.* Там же.
- ³⁰ ЦАМО. Ф. 33. Оп. 793756. Д. 5. Л. 224.
- ³¹ ЦАМО. Ф. 33. Оп. 793756. Д. 25. Л. 126.
- ³² Там же.
- ³³ ЦАМО. Ф. 33. Оп. 686043. Д. 47. Л. 168.
- ³⁴ ЦАМО. Ф. 33. Оп. 11458. Д. 322. Л. 244.
- ³⁵ Боровик А. Спрятанная война. М., 1992.

Судьба солдата

Это было predetermined

Основным уроком войны Семен Львович Ария называет ужасное несчастье: «Полная ломка и жизни, и быта, и счастья. Война приносит только несчастье. То, что я остался жить, – это чистая случайность. Абсолютно чистая! И абсолютная случайность! И уже одного этого достаточно, чтобы считать – лучше бы этого опыта войны у меня не было совсем и никогда».

Известнейший российский адвокат знает, о чем говорит, ибо Бог сохранил его вопреки всем смертям. При этом бывший танкист и разведчик судит о прошлом предельно трезво: «Мужское население моего года рождения было выбито войной поголовно. И то обстоятельство, что я остался жив, не явилось результатом каких-то усилий с моей стороны.

Я ничего не избегал. Но судьба все время создавала обстоятельства, которые способствовали сохранению моей жизни. Я верю, что это было predetermined».

Семен Львович честно признается, о чем постоянно думал на войне: «...скоро я буду убит или мне удастся выжить?.. Страх смерти сопровождал неотступно. Он был или четко выраженным, или в подсознании держался. Он мог быть неосознанным, этот страх, но был всегда. Вот этим отличалась жизнь после победы. Ушел страх смерти. Он ушел из подсознания. На войне есть людские массы, цель которых – убить тебя. А в мирных условиях ни у кого таких целей нет».

Думалось там и о Боге: «До войны этого чувства не было. Появилось там, на войне. Появилось само собой.

Вообще должен вам сказать... Это мысль, к которой я пришел уже теперь. Я считаю, то обстоятельство, что у любого человеческого племени на любой части земного шара неизбежно появлялась вера в существование высшей силы, высшего существа и потребность молиться, – не могло быть объяснено никакими иными обстоятельствами, кроме существования этой силы. В противном случае это носило бы избирательный, отдельный характер. У одних это высшее существо появилось бы, у других – нет. А ведь это появилось у любого человеческого племени. Это оказалось генетически заложено в душу. Кем?

В этом я нахожу одно из доказательств существования Бога. Но это я понял уже сейчас. А тогда, на войне, у меня появилось просто ощущение того, что есть Нечто, что predetermined пути, и от этого Нечто зависит для меня исход.

Я не могу это отнести к какому-то определенному временному моменту. Но с тех пор как я попал на передовую, где уже господствовала смерть, с этого момента возникло религиозное чувство».

На вопрос: «Чего вы на войне боялись, помимо собственной смерти и смерти близких?» – блестящий интеллектual отвечает, ничуть не задумываясь: «Увечья боялся. Больше смерти боялся увечья. Потому что на фронте бывали такие увечья, относительно которых можно было заранее предвидеть, что вся дальнейшая жизнь будет пыткой».

И все же самым страшным на фронте Семен Львович называет атаку: «...это тяжелейшее испытание. Ты знаешь, что в тебя могут попасть, а ты вынужден идти навстречу – это ужасно! Подняться было трудно, и сознание того, что, скорее всего, не вернешься, тоже тяжело. Минометный обстрел ужасен был и пулеметы. Там всего хватало. Трассирующий огонь, когда начинает сверху, и видишь, только светящаяся полоса все ниже, ниже к тебе опускается, вот сейчас она до твоего уровня дойдет и тебя разрежет пополам».

Но, конечно же, страшнее смерти не было ничего: «Там смерть витала ежедневно, ежечасно и со всех сторон. Можно было спокойно сидеть, чай пить, и на тебя сваливался

шальной снаряд. Привыкнуть к этому было совершенно невозможно. Это не значит, что был безостановочный мандраж, что все сидели, ходили и оглядывались. Просто смерть прилетала или не прилетала. Страшно было, когда были массированные авиационные налеты. Там люди сходили с ума от страха. Ощущение было такое, что каждая бомба летит тебе прямо в голову. Это было ужасно! По небу плывет эта армада, сотни две или три самолетов, и сыплют градом бомбы, и все они воют. Ужас! Помню, Некрасов такой был – он почти рехнулся. Когда кончился авиационный налет, его никак не могли отыскать. Потом нашли в каком-то окопе. Так он отказывался выходить! А какой ужас был в его глазах!..»

Поэтому в надежде уберечь себя от смерти, наверное, очень многие, если не все (мы точно не знаем), носили и крестики, и талисманы. Но были и люди, каким-то особым чутьем предчувствующие смертельную опасность. Семен Львович хорошо помнит одного такого солдата: «Например, в нашем подразделении был такой Кондрат Хубулава, грузин, мордатый такой. Вот я с ним все ходил, он раза два меня от смерти спасал, ну и себя, соответственно. Первый раз нас посылали куда-то установить связь со стрелковым полком. Вот мы с ним идем по ходам сообщения, а он мне говорит: “Дальше не пойдем”. Я говорю: “Почему?” “Не пойдем, постоим здесь!” Мы остановились, и через несколько секунд прямо в траншею за поворотом упал снаряд! То есть нас там должно было убить! Второй раз мы стояли с ним во время бомбежки в разрушенном доме. Он мне сказал: “Выйдем отсюда и перейдем в другой угол”. Мы перешли – в тот угол, где мы были, ухнула бомба. Вот такие вот странные вещи происходили. Предчувствие... Я этим не обладал».

К слову сказать, грузин Хубулава Кондрат Михайлович (1917 г.р.) к 40-летию Победы был награжден орденом Отечественной войны I степени (06.11.1985 г.). И кто знает, может быть, ангел-хранитель его бережет до сих пор.

Дезертировал из тыла на фронт

«Военный Трибунал 151-й стрелковой дивизии
17 марта 1943 г.

СПРАВКА

Выдана старшему сержанту Ария Семену Львовичу в том, что с него за проявленное мужество и отвагу в борьбе с фашизмом, определением Военного трибунала 151 сд от 17 марта 1943 г. снята судимость.

Председатель военного трибунала 151 сд.
Военный юрист 3 ранга
Сорокин».

С таким документом старший сержант Ария направился во 2-й запасной стрелковый полк, дислоцирующийся в городе Азове. Надо сказать, что отправился пешком, прямо с передовой из 683-й отдельной штрафной роты 151-й стрелковой дивизии Южного фронта.

«Практически это на фронте, но немножко в тылу, – рассказывает Семен Львович. – Ростовская область, на море. И я пошел пешком в этот город Азов. Сколько я шел, не помню, ну, три или четыре дня. Быстро добрался. Настроение было другое...

И вот я прибыл в Азов, у меня посмотрели мою трудовую книжку, что я – механик-водитель танка Т-34. И зачислили кандидатом в танковое училище, на пятимесячное обучение. Там готовили командиров танков. А я не хотел быть ни командиром танка, ни офицером... Потому что уже знал: командир танка тянет такую же лямку, как и любой рядовой солдат-танкист, но он еще и отвечает за все...

В это время приехала машина с “купцами”. “Купцами” называли приехавших с передовой представителей тех частей, которые набирали себе солдат. Я увидел у них на машине огромный гвардейский знак. И понял, что это какая-то приличная часть – гвардейские части всегда были приличные.

Ну, они, кого надо, отобрали, составили списки и собрались уезжать. И тогда я схватил свой вещмешок, кинул через борт, залез туда к ним и уехал с этой машиной, куда они, – на фронт. Без списка, без “ничего”.

“Слушайте, ну мне же было двадцать лет, сами понимаете... Я был отчаянный мальчишка”.

“Ну, вот я решил уехать на передовую, на фронт. Мне надоело сидеть в том Азове, два месяца ничего не делать... Я решил: уеду на фронт, к чертям! Мне это училище совершенно не нужно.

Мы проехали километров двести, наверное, или сто, я сейчас не помню. Они остановились, и те офицеры, которые приезжали за нами, начали делать перекличку.

Т-34

И я оказался лишним. Они мне говорят: “А ты откуда взялся?” Я говорю: “Мне там надоело сидеть запасным, я хочу на фронт”. Они говорят: “Ну, что с тобой делать – непонятно, ехать двести километров назад, это ж черт знает что...” Потом они у меня спрашивают: “А что ты умеешь делать?” Мол, могу я им пригодиться или нет... Я говорю: “А что вам нужно? Я могу, например, водить любую механику, кроме самолета...” Они меня спрашивают: “А с мотоциклом ты знаком?” Я говорю, “Да, я могу водить мотоцикл, у меня есть опыт”. А я в школе в десятом классе проходил практику – езда на мотоцикле... А у них, как выяснилось, был в полку мотоцикл, который доставлял им головную боль, никто на нем ездить не умел, и они его возили в грузовике... Я говорю: “Мотоцикл водить могу”. Они: “Ну, хорошо, если не врешь, то ты нам тогдагодишься, но если ты нам соврал, то мы не поленимся тебя обратно отвезти хоть за триста километров”.

Когда мы в полк приехали, мне первым делом предъявили этот мотоцикл, я продемонстрировал, что знаком с этим делом, и меня оставили в этом полку. Это был 51-й гвардейский Краснознаменный минометный полк. И в нем я воевал до самого конца войны». Словом, Семен Львович, даже пройдя мясорубку штрафной роты, дезертировал, но дезертировал, и это примечательно, из тыла на фронт. Важная деталь в его биографии. Судьбоносная.

Старший сержант Ария родился в семье инженера металлургического завода Льва Семеновича, в городе Енакиеве Донецкой области. Позже семья переехала в Харьков, где и прошло детство Семена Львовича. В Харькове он окончил среднюю школу, там же его призвали в армию, в сороковом году.

«В тридцать девятом году вышел закон: кто закончил среднюю школу и к моменту призыва имел семнадцать лет и девять месяцев – призывается в армию, – вспоминает С.Л. Ария. – И вот я был призван в армию и уехал служить в Новосибирский институт военных инженеров транспорта.

Это была срочная служба в армии. То есть институт считался срочной службой. Студенты днем сидели на лекциях, а кончались лекции, и начиналась военная подготовка. Я был и студент, и солдат-срочник. Оттуда и попал на войну». В 19-й отдельный запасной танковый полк... Но не сразу. Из Новосибирска весь курс Семена Львовича мобилизовали, погрузили

в эшелон и отправили под Москву. Однако до фронта студенты так и не доехали. Эшелон разбомбили, Ария был контужен и попал в госпиталь.

А в это время 19-й отдельный запасной танковый полк, который дислоцировался до войны недалеко от Харькова, рядышком с паровозостроительным заводом, выпускающим Т-34, в июле вошел в состав действующей армии и принял свой первый бой. В августе, после переформирования, полк вывели с Юго-Западного фронта и отправили на Урал в Нижний Тагил, где он снова оказался рядышком с Харьковским паровозостроительным заводом.

С.Л. Ария продолжает свой рассказ: «После госпиталя меня направили в 19-й учебный танковый полк, располагавшийся в Нижнем Тагиле. Полк состоял из батальонов, каждый из которых готовил танкистов определенной специальности: в одном готовили командиров танка, в другом – башнеров (заряжающих) и т. д. Я попал в батальон, готовивший механиков-водителей.

Обучение производилось на натуре: стояли танки, нас обучали вождению, связи с командиром, устройству, обслуживанию двигателя. Надо сказать, что в зимних условиях завести двигатель танка было очень тяжело. Для этого нужно было часа за два до выезда его прогреть, то есть подсунуть под танк противень величиной чуть меньше танка, в этот противень налить дизельное топливо и поджечь. Часа через полтора танк, который, как и мы, был весь в копоти, начинали заводить.

От экипажа требовалась взаимозаменяемость. На самом деле никакой взаимозаменяемости не было – очень уж краткое обучение было, но несколько раз я выстрелил из орудия. Также нас отводили на полигон, сажали в танк, заставляли преодолевать препятствия, менять трак (это была очень тяжелая операция – ремонт гусеницы). В эти два или три месяца, что длилось обучение, мы участвовали и в сборке танков на главном конвейере завода. <...>

После учебы всех погрузили в эшелон вместе с Т-34 и отправили на фронт. На фронт нас отправили через Среднюю Азию. Перевозили на пароме из Красноводска на Кавказ, через Каспийское море. По дороге с нашего танка ветром сдуло брезент. А, надо сказать, что без брезента в танке было туго. Брезент был крайне необходим: им накрывались, когда ложились спать, на нем садились покушать, если грузились в эшелон, им нужно было танк сверху накрыть, иначе внутри было бы полно воды. Это были танки военного времени. На верхнем люке вообще не было никаких прокладок, а на люке механика-водителя были какие-то прокладки, но они не держали воду. Так что без брезента было худо. Так вот мне пришлось украсть на складе парус, но об этом особенно рассказывать нечего, это же эпизод не боевой, а скорее из области военно-хозяйственной.

Мы вышли на Северный Кавказ и участвовали в боях за Моздок в составе 2-й танковой бригады. Потом нас перебросили в 225-й танковый полк, который участвовал в боях в районе Минеральных Вод и далее на Кубани».

Танка нет

От чего же отказался механик-водитель танка Т-34 старший сержант Ария, когда не поехал в танковое училище? Об этом можно узнать из воспоминаний другого танкиста, известного писателя Даниила Гранина. Правда, у него была своя война...

В начале 1943 года Гранин стал лейтенантом, имел боевые награды, воевал на Ленинградском фронте. Но случилась самая настоящая оказия... Однако все по порядку: «Зимой 1941–1942 годов я стал чувствовать себя ветераном, знал, куда упадет мина, как растопить печь в землянке, как постелить накат, чтобы песок не ссыпался, и прочие тонкости солдатской жизни. Прожаривал белье от вшей, не дожидаясь вошебойки.

Но появилось и другое – ощущение того, что везуха фронтовая кончается. Из наших ополченцев осталось в батальоне трое, всех остальных убило или забрал госпиталь. Смертный срок службы подходил к пределу, по теории вероятности пуля должна была меня найти, трещит моя авоська. Надо было сообразить какой-то зигзаг. Все больше донимала голодуха, постоянный недоед, все время думаешь о жратве, чем бы брюхо набить. Унизительная жизнь изгоняла все другие мысли.

Поэтому, когда предложили поехать на курсы в танковое училище в Ульяновск, я не стал отказываться. Добирался туда с мечтой поесть – хлеб и картошку. Жареную. Два продукта – к ним сводилось понятие “еда”».

И вот старший лейтенант Гранин прибыл в Ульяновское танковое училище: «Нас набралась целая рота, все боевые офицеры с разных фронтов. Изучать мы должны были новую машину “ИС”. Жизнь вдруг повернулась. Казарма, двухэтажная кровать. Надо аккуратно заправлять койку. Побудка. Завтрак. Классы. Строевая. Вечером можно в город.

Колонна советских тяжелых танков ИС-2 в ожидании команды на марш

Гонял нас старшина. Зверюга. Ему сласть была орать на офицеров, чтобы ножку давали, чтобы пели походную. “Плохо поете. Кругом! Вы у меня будете топать, мать вашу, пока не запоете в один голос!”

А город был сказочный. Бульвар с цветущим жасмином. Шли мужчины в галстуках, бежали школьники с портфелями, было полно молодых женщин в летних платьицах, завяты, румяные... Откуда столько невоюющих мужиков? Они курили папиросы. Можно было ехать на автобусе. Из булочной пахло настоящим печеным хлебом, я зашел туда. Все полки были уставлены буханками и батонами.

Жизнь вдруг стала обновкой. Окна здесь были чистые, без бумажных крестов, продавали газеты, цветы, семечки, боже ты мой, другая планета. Ходить в город можно было хоть каждый вечер, на танцы и даже домой к девицам. Почти каждую неделю мы дрались с летним училищем. У них было прозвище “вентиляторы” из-за пропеллера на погонах. <...>

По окончании курсов нас отправили в Горький. Там практиковались на танкодроме: танки уступом справа, уступом слева. Стрельба с остановками, без остановок, на ходу, из пушки 122-миллиметровой, из пулеметов. По танкам противника, по фанерным домам. Заправка. Ночевка на земле. На снегу. Постелить лапник, укрыться шинелью – это “полевые” условия, как будто мы не нахлебались ими сполна, настоящими, а не учебными.

Когда сформировали нашу танковую бригаду, то отправили нас за машинами в Челябинск на танковый завод. Сформировали – это значило назначили трех командиров взводов, в каждом взводе три машины, а меня командиром роты: во-первых, капитан, а они старлеи, а еще результаты стрельбы сказались.

В Челябинске завод никак не походил на завод – сборочный цех, где мы работали, достраивался, стен не было, была крыша, мостовой кран и кирпичный брандмауэр, где стояли отопительные батареи, задувал снег, детали машин обрастали инеем. Мы должны были помогать сборщикам. Детали тяжеленные, и к ним не прикоснись, обожгут морозом так, что руки липнут. Сборщики – подростки-ремесленники, бледные, слабосильные, и женщины, укутанные платками...

Командиры взводов подобрались удачные. Васильчук, старший из всех, Вася Фролов, самый молодой из нас, очкарик, работал корректором в издательстве. Сдружились сразу. У каждого во взводе три машины, всего девять, у всех пушки нешуточные – 122 миллиметра, двигатели на дизтопливе. Отличная машина. Я поместился добавочным в башне у Фролова, я выбрал его как самого худенького, чтоб не было нам тесно. Экипаж – четыре человека, а командир роты куда-то должен был приткнуться пятым. Место для командира роты было как бы предусмотрено, добавили триплекс, и все, так что было тесновато. У меня было свое сиденье, своя радиосвязь.

И в Челябинске, и в Горьком во дворе стояло несколько подбитых машин, их приволокли для изучения, зрелище было жуткое – машины были горелые, пробитые бронебойкой, искореженные неизвестным нам способом, какие-то команды отскоблили внутри горелое мясо, но все равно внутри воняло. У человечины свой отвратительный запах. Вид этих подбитых машин не вдохновлял».

В Горьком рота капитана Гранина погрузилась в эшелон и отправилась на фронт. А дальше судьба благоволила будущему известному писателю...

Механик-водитель Ария на войне на собственной шкуре познал роль танкиста и, видимо не сильно хотел стать офицером и командиром танка. У него была своя логика. Так недостатками Т-34 он называет полное отсутствие заботы о комфорте экипажа: «Я лазил в американские и английские танки. Там экипаж находился в человеческих условиях: танки изнутри были окрашены светлой краской, сиденья были полумягкие с подлокотниками. На Т-34 ничего этого не было. Забота об экипаже ограничивалась только самым примитивным».

Вооружение Т-34 Семен Львович называет недостаточным: «Два пулемета, стоявшие на Т-34, не обеспечивали круговой сектор обстрела. Правда, можно было поворачивать назад башню, но это уже целая морока».

Личного оружия тогда у них не было, поэтому механик-водитель при необходимости снимал пулемет с турели и тащил на себе.

Семену Львовичу хорошо запомнились встречи Т-34 с противотанковой артиллерией, с пулеметами и с зенитными орудиями противника. В 1942-м в их полку так сожгли 12 танков. Прекрасно помнит он и о том, как спасались танкисты: «Шансы 50 на 50. Если снаряд попал внутрь танка, то там уже разносило всех в клочья, а если это была касательная пробоина, или снаряд попадал в моторное отделение, и танк загорался, тогда начинали выскакивать. Потери были огромные, это очень редкое явление, чтобы кто-то из танкистов прошел всю войну и остался жив. Там были потери почти такие же, как в истребительной авиации». Самым уязвимым местом у Т-34 была боковая броня...

В общем, танк в бою живет считанные минуты, а безвозвратные потери танковой роты составляли от 30 до 40 процентов. Если танкист выжил в подбитом танке, то машину нужно было покинуть не просто быстро, а молниеносно, пока не рванет боекомплект или немцы не расстреляют в упор. Шансы выжить у танкистов были у всех разные, но иногда сгорали целыми экипажами. Война не разбирала ни званий, ни военно-учетных специальностей, ни возрастов. В ее горниле не было рая...

Зимой 1943-го танковая колонна Т-34 входила в станицу Левокумскую. Позади оставались бои за Моздок, где танковая бригада, в которой служил Семен Львович Ария, понесла тяжелейшие потери. Отступая, немцы взорвали мост через реку Куму, и перед советскими танкистами оказалась бревенчатая переправа, совсем недавно наведенная своими саперами...

Что-то подобное произошло однажды и у капитана Гранина: «Где-то в Эстонии танки, дойдя до реки, уперлись в деревянный мост, на вид хлипкий. Морозов шел впереди, он попятился, разогнался и буквально перелетел, мост вздрогнуть не успел, за Морозовым также на полной скорости помчались остальные. Чуть помедленнее, и грохнулись бы. Потом Морозов объяснил: он бы, конечно, остановился, осмотреть мост, прикинуть, выдержит ли такую махину, все же 46 тонн. Думаю, осторожно этот мост не переехать. Многие тогда решали лихостью». И им тогда повезло. А вот танку Семена Ария не совсем: «Недоверчиво осмотрев ее, наш комбат спросил у саперного начальника:

– А танк пройдет? Двадцать пять тонн?

– Не сомневайся! – ответил тот. – Гвардейская работа! Но – по одному.

Первый танк медленно и осторожно прополз по играющему настилу, второй столь же осторожно въехал, слегка отступив от осевой линии, добрался до середины и вдруг начал у всех на глазах двигаться не через реку, а вдоль нее, а затем вместе с мостом боком рухнул в поток, оставив на поверхности лишь ведущую “звездочку” гусеницы. Экипаж был не без труда выловлен из ледяной воды, за водителем пришлось нырять. Наш танк был третьим.

После энергичного мата-перемата с саперами и угроз расстрелом комбат привел откуда-то местного деда, взявшегося указать брод. Усадив деда на свой “виллис” и разъяснив мне всю меру ответственности как головного, комбат велел нам следовать за ним.

– Не особо разгоняйся, но и не отставай, – сказал он. – Если что не так, я тебе фонариком посигналю.

И мы двинулись полевыми дорогами вдоль реки. А между тем окончательно стемнело. Фар у нас не было с первого же боя, а даже если бы они и были – светить нельзя в опасении авиации. Поэтому во тьме, слегка разбавленной неверным лунным светом из-за туч, не видя дороги, я следовал только за прыгающим синим огоньком командирского “козлика”. Колонна шла за мной.

Так проехали километров с десять. Как стало понятно впоследствии, комбат попросту прохлопал ничтожный мосток через овраг и проскочил его, не остановившись и не просигналив, вследствие чего наш танк подлетел к нему на доброй скорости и со всей своей могучей многотонной инерцией. Мосток рухнул враз и не задумываясь. Танк с ходу ударился лобовой броней в скат оврага, перевернулся и кверху лапами сполз на дно.

Оглушенный ударом, я обнаружил себя погребенным под грудой выпавших из “чемоданов” 76-миллиметровых снарядов вперемежку с пулеметными дисками, инструментами, консервами, трофейными продуктами, пилой, топором и прочим танковым имуществом. Тонкими струйками сверху лилась кислота из перевернутых аккумуляторов. Все освещалось зеленым зловещим светом сигнала их разрядки.

Сам я был цел, но хорошо помят. Моей первой мыслью было: я раздавил экипаж... Дело в том, что на марше экипаж, как правило, сидит не в утробе машины, а на трансмиссии – на теплом месте позади башни, укрывшись брезентом. Однако оказалось, что все живы, – их швырнуло при перевороте, как из катапульты, вперед на землю. Теперь командир, лейтенант Куц, кричал откуда-то снаружи:

– Ария! Ты живой?

– Вроде, – отвечал я. – А как ребята?

Затем я выбрался через донный (но ставший потолочным) “десантный” люк и осмотрелся. Зрелище было впечатляющее. Танк стоял на башне, задрав гусеницы. Ствол пушки торчал снизу, от земли. Ни разу за всю войну я не встречал более танка в такой противоестественной позиции. Мы молча взирали на своего поверженного боевого друга.

Комбат возник тут же, как черт из табакерки. Он объяснил мне по-русски все, что обо мне думает, и приказал:

– Оставляю для буксира одну машину. К утру чтоб мне вытащить наверх, привести в порядок и следовать за нами. Не сделаете – расстреляю!»

За дело экипаж взялся лихо: за ночь вырыли дорогу наверх, с помощью буксира танк поставили на место, разгрузили от завала внутри и, наконец, с божьей помощью завели. Через час «на перекур» Т-34 рванул за колонной, а к середине дня, преодолев брод, догнал ее.

На первом привале обнаружилась течь в маслопроводе. Кое-как, с помощью подручных средств, устранили. Еще через пятьдесят километров после краткой остановки машина больше не завелась. Вызванный специалист поставил диагноз скоро: «Нужно менять движок, для этого нужен стационар. Сидите пока здесь, я доложу, завтра пришлю буксир». Колонна ушла, а экипаж остался. Смертельно уставший механик-водитель хорошо запомнил, как в припорошенной снегом степи мела поземка. Вокруг ни деревца, ни кустика и только вдалеке два сарая.

О том, что приключилось дальше, Семен Львович рассказывает с юмором. Но это сегодня. А тогда явно было не до смеха: «Сидеть в ледяном танке невозможно. Попытались соорудить подобие шалаша, набросив брезент на пушку. Внутри для видимости тепла зажгли ведро с соляркой. Кое-как поели. Через пару часов нас было не узнать от копоты.

– Так, – подвел итог лейтенант, – не подыхать же здесь. Идем ночевать туда, – он махнул рукой на черневшие вдали сарай. – Труба там есть, значит, есть печка. Солома тоже наверняка осталась. У машины оставляем пост. Тебе нужно отоспаться (он кивнул мне). Поэтому ты первым и отстоишь полтора часа – и я пришлю смену. Зато потом всю ночь будешь кемарить.

И я остался у танка с ручным пулеметом на плече. Во тьме мучительно тянулось время. Взад – вперед. Взад – вперед. Прислоняться нельзя – смыкаются веки. Но ни через полтора, ни через два часа смена не появилась. Смороенные усталостью, они, видимо, спали каменно. Дал очередь из пулемета – никакого эффекта. Нужно было что-то делать, иначе я просто замерз бы насмерть. Да и ноги уже не держали.

Я запер танк и, спотыкаясь, побрел по заснеженной стерне в сторону сараев. С трудом разбудив спавшего на соломе лейтенанта, сказал ему, что так не делают. Был поднят со своего ложа угревшийся, плохо соображавший Рылин и выпровожен с пулеметом за дверь. Не раздеваясь, я рухнул на его место и тотчас провалился в сон.

Рылин постоял на холодном ветру – и нарушил присягу...

На рассвете мы вышли из сарая, браня проспавшего свою смену Верещагина. Глянули на дорогу – танка нет. Нет танка. Украли. Рылина тоже нет. Нашли его в соседнем сарае, где он мирно спал, обняв пулемет. Когда ему обрисовали ситуацию, он как ужаленный выскочил наружу проверить. А убедившись, сообщил, что, оказывается, придя ночью на место и обнаружив полную пропажу объекта охраны, вернулся и лег досыпать. На естественный вопрос, почему всех тут же не поднял по тревоге и почему завалился в другой сарай, объяснил, что не хотел беспокоить.

Эта версия, несмотря на полную ее абсурдность, полностью снимала с него немалую вину. Поэтому он стоял на своем твердо и врал нагло, глядя нам троим в глаза. Поскольку опровергнуть эту чушь было, кроме логики, нечем, крайним для битья оказывался я, бросивший свой пост часовой. И лейтенант Куц – как командир, отвечающий за все.

С тем и побрели мы по широкому кубанскому шляху, по мерзлым его колеям, с чувством обреченности и без вещей.

Протопав в полном молчании километров десять, мы добрались до околицы обширной станицы, где и обнаружили следы своего злосчастного танка. Оказалось, что шустрые ремонтники, приехав ночью и найдя танк без охраны, открыли его своим ключом, а затем и уволокли на буксире. Конечно, они видели полевой стан и понимали, где экипаж, но решили немного пошутить...

Эта шутка в сочетании с упорной ложью нашего боевого товарища и друга Рылина обошлась нам дорого. Комбриг за все наши дела приказал отдать лейтенанта Куца и меня под трибунал и судить по всей строгости законов военного времени, что после недолгого следствия и было сделано».

А бой кончился так

Всего пятнадцать минут понадобилось трибуналу стрелковой дивизии в составе трех офицеров, чтобы осудить командира танка, лейтенанта Куца и механика-водителя, старшего сержанта Ария «именем Союза Советских Социалистических Республик» к семи годам исправительно-трудовых лагерей, что заменялось в годы войны одному – штрафным батальоном, а другому – штрафной ротой. Куцу, как старшему, выдали документы на двоих и еще на одного осужденного, мордатого старшину. Все аккуратно было уложено в конверт, запечатанный сургучом, который они должны были доставить в отдел комплектования штаба армии. Втроем они и двинулись в путь искупать вину кровью.

Путь был не близким, не простым и голодным. Но в одной станице путников пожалели две старухи, позволив сварить каши, дали по стакану молока и разрешили переночевать. Утром штрафники снова отправились в дорогу. Почти у самого последнего дома Ария решил сходить «подумать до ветру». Лейтенант и старшина остались ждать. А когда механик-водитель вернулся, то никого не нашел. Его командир и незнакомый солдат исчезли вместе с трибунальским пакетом. Он до сих пор не знает, что произошло в тот момент...

И снова дорога через Дон к Ростову... Все же он нашел то, что требовалось найти законопослушному солдату, где его принял старший лейтенант Леонов, командир взвода штрафной роты.

«В три часа ночи “взводный Леонов, еще не убитый”, велел всем подняться на бруствер и без единого звука двигаться вперед.

– Никаких разговоров. Огонь только после сближения и только по моей команде. С Богом, ребята, мы их одолеем!

И старлей Леонов повел своих бойцов вниз по полю.

Было уже начало марта, снег сел, и нога не проваливалась в него. Мы удачно, незамеченными, прошли большую часть своего пути. Но шорох множества ног все равно звучал в тишине, и за сотню метров от реки мы были обнаружены».

С немецких позиций взлетели осветительные ракеты. По полю хлынули зеленые и красные струи очередей. («Мы залегли и начали отвечать, целясь туда, где были истоки этих струй. Но наш редкий ружейный огонь был несравним в этой скорострельной лавине, методично обрабатывавшей свою ниву. В редкие промежутки между очередями мы по команде взводного вскакивали и успевали сделать несколько прыжков вперед, чтобы снова пасть в снег, спасаясь от очередного светящегося веера».)

«Взводный Леонов, еще не убитый», все поднимал и поднимал их, своих бойцов, в бессмысленные и безнадежные атакующие броски. Ария все время был рядом с взводным. Следовал за ним по пятам, откликался на все его крики и стрелял, стрелял туда, куда велел взводный Леонов. Семен уже было совсем поверил в том бою в свою неуязвимость, прыгнул вперед без взводного Леонова, и тогда тот закричал: «Стой! Там мины!»

...Потом атака захлебнулась. Она не могла не захлебнуться. Позже Ария узнал: приказ штрафникам о рукопашной схватке и о взятии той немецкой позиции перед Вареновкой был «для балды». Подлинная цель: разведка боем. («Ценой атаки вызвать на себя и засечь огонь пулеметных гнезд и других оборонительных узлов противника. Нас обманули, нам не сказали даже о минном поле у реки. В этом обмане по долгу службы участвовал и наш грешный взводный. Грешный и святой».)

Но об этом Ария узнал... позже. А бой кончился так. Немцы почему-то не стали прошивать контрольными очередями поле, на котором неподвижно лежали штрафники. Блился гибельный рассвет. И тогда «старлей Леонов, все еще не убитый», почти шепотом

передал по цепи: «Отходим ползком. Ни звука». Из того боя не вернулись девять бойцов. Около трети их взвода.

Прошло два дня. Арию вызвали к командиру роты. Командир сказал: на вас подано представление о снятии судимости, от меня благодарность. Ария должен был тотчас же направиться в распоряжение начштаба полка. Попросил разрешения проститься с бойцами и командиром взвода. Капитан Васенин потемнел лицом и вышел из блиндажа. «Нет больше старшего лейтенанта Леонова, – сказал тихо писарь в углу, – расстрелян по приказу командира дивизии». – «За что?» – «За самовольный отход с поля боя. Без приказа взвод отвел», – читаем у З. Ерошок.

Всего три недели довелось нашему герою повоевать в «шурочке», а затем Ария направился в штаб полка с представлением на снятие судимости... И это, безусловно, только благодаря старшему лейтенанту Леонову, уже на тот момент расстрелянному...

А ведь бывало иначе... Герой Советского Союза В. Карпов сам прошел штрафную роту и напишет, как его «штрафную роту послали в атаку без артиллерийской подготовки, без поддержки танками. Капитан Старовойтов скомандовал: “Вперед!” – и остался в траншее. Только младший лейтенант, с медалью на груди, пошел с бойцами. Костя шел со мной рядом. Штрафники перебивали колючую проволоку прикладами, а немцы били их прицельным огнем. Уцелевшие от губительного пулеметного огня все же влетели в немецкую траншею. Был я в той рукопашной, стрелял направо и налево по зеленым немецким мундирам.

В.В. Карпов в годы войны

Немцы убежали из первой траншеи. Но вскоре страшный, как обвал, налет артиллерии обрушился на траншею и перемешал штрафников с землей. Подошли три танка и стали добивать из пулеметов тех, кто уцелел. Остались в живых из четырех взводов девять человек – те, кто добежал назад в свою траншею. Правду сказал тот старый мудрый солдат: “Всех завтра перебыют”, он такое, наверное, видел не раз.

Но закон есть закон – искупать вину полагалось кровью. Позднее штрафные роты посылали в общем наступлении на самом трудном участке, там, где на штабной карте было острое стрелы, показывающей направление главного удара. Но первые “шурочки” погибали бессмысленно, слова приказа “искупить кровью” понимали и исполняли буквально. Штрафников посылали в бой без артиллерийской и какой-либо другой поддержки.

Девять уцелевших, усталых и вымазанных в земле и копоты предстали пред светлые очи начальства.

– Вообще-то вы, м..., траншею немцев захватили, но не удержали. Ждите следующую штрафную роту, через пару дней прибудет. Вольем вас туда, – сказал ротный».

Это было счастье

Всю вторую половину войны гвардии старший сержант Ария был разведчиком минометной артиллерии. Когда спустя несколько месяцев мотоцикл расстреляли на ходу, его определили в дивизион.

Семену Львовичу приходилось выбираться на высоты, оборудовать пункты наблюдения, ставить стереотрубу и наблюдать за противником. То есть, как разведчик, он занимался наведением, засекал углы, готовил данные и передавал их командиру, который сидел с планшетом и по шаблону выполнял непростые тригонометрические расчеты для стрельбы катюш.

На войне, как на войне. А 8 мая 1945 года произошло нечто... В Австрийских Альпах: «И вот мы сидим на НП (наблюдательном пункте), наблюдаем за передним краем, за противником. Кто-то вдруг говорит: впечатление такое, что народ драпает с передовой. С передовой начался массовый отход солдат в тыл. А это признак немецкого наступления... Мы решили разузнать, что происходит. Ну, наши спустились вниз – мы ж на горке сидели, на НП – так вот, спустились вниз, на шоссе, и спросили: “Вы чего топаете в обратном направлении?” А там, на шоссе, нам сказали: “Все! Войне капут! Впереди американцы, а не немцы!”

...Это было счастье – конец войны! Война кончилась, и мы остались живы!»

Примечательно, что награжденный медалью «За отвагу» Семен Львович и об этом говорит с некоторой долей иронии: «...награждение за конкретные эпизоды достаточно редко практиковалось на фронте. Особенно в артиллерийских частях. Невозможно ведь привязать данное конкретное лицо к особенно удачному попаданию снаряда. Значит, если человек участвовал в боевых действиях, проявил там достаточную настойчивость, смелость, то надо начинать сочинять в наградном листке. То, что там писалось конкретно, на самом деле это все фантазии. Я вот был на хорошем счету в полку, поэтому на какой-то стадии меня внесли в наградной список. Потом начали сочинять: “В боях за такой-то квартал проявил мужество, пренебрегая смертельной опасностью...” Вот такое народное творчество».

И все же он остался жив и до сих пор счастлив...

Примечания

Автором использованы отдельные факты и эпизоды из следующих источников:

1. Ария С. Про войну. СПб, 2005.
2. Гранин Д. Все было не совсем так. М., 2010.
3. Гранин Д. Мой лейтенант. М., 2012.
4. Драбкин А.В. Я дрался на Т-34. Книга 1. М., 2005.
5. Ерошок З. Свидетельские показания старшего сержанта, разведчика Семена Арии // Новая газета, № 48, 7 мая 2010 года.
6. Карпов В. Большая жизнь. М., 2009.
7. Пудовкин С. Отдельный учебный полк // Тагилка, № 8 от 22.04.2010; № 9 от 06.05.2010 г.

Командировка с фронта

Вызов в Москву

В январе 1944 года помощника командира 9-го гвардейского истребительного авиаполка (асов) по воздушно-стрелковой службе гвардии капитана Ковачевича вызвали с фронта в Москву к главнокомандующему ВВС. С Центрального аэродрома Аркадий Федорович прямиком направился в штаб. Но, как оказалось, маршал авиации Новиков находился на Ленинградском фронте, на операции по снятию блокады. Порученцы доложили главному о прибытии, но тот приказал его ждать.

Молодого летчика-истребителя разместили на период ожидания в одноместном номере гостиницы Центрального дома Красной Армии. Белая постель, тишина, покой, талоны на питание. Но самое главное – полная свобода до возвращения маршала! После фронта, после воздушных боев с 1941 года эта командировка напоминала что-то волшебное и невероятное. Да и с фронта шли вести вполне даже ничего.

Черная тарелка-радио от Совинформбюро в тот день сообщала: «Войска БЕЛОРУССКОГО фронта в результате умелого обходного манёвра сегодня, 14 января, овладели областным центром Белорусской ССР городом МОЗЫРЬ, городом и крупным железнодорожным узлом КАЛИНКОВИЧИ, а также с боями заняли более 40 других населённых пунктов, среди которых крупные населённые пункты ГОРБОВИЧИ, РУДНЯ ГОРБОВИЧСКАЯ, БОБРЫ, КОЗИНКИ, БОРИСКОВИЧИ, ЗАГОРИНЫ, КОСТЮКОВИЧИ, ЖАХОВИЧИ, СКРЫГАЛОВО, БЕСЕДКИ и железнодорожные станции КЛИНСК, КАЧУРЫ, КОЗИНКИ.

Западнее и юго-западнее САРНЫ наши войска продолжали наступление и овладели районным центром Ровенской области СТЕПАНЬ, а также заняли более 30 других населённых пунктов.

Западнее и юго-западнее НОВОГРАД-ВОЛЫНСКИЙ наши войска вели наступательные бои, в ходе которых заняли несколько населённых пунктов.

Восточнее ВИННИЦЫ наши войска продолжали успешно отбивать контратаки крупных сил пехоты и танков противника и нанесли ему большие потери в живой силе и технике».

Да, но это там, на фронте... А он здесь, в тылу, в столице, где обычная московская сутолока. Но Москва почти мирная.

С кремлевских стен смывают маскировку, начисто протирают песочком все государственные здания в центре. На афишах гастрели, премьеры, концерты, лекции. У театров очереди. И весь день падает густой белый снег. Тепло. Осыпанные снегом, снуют москвичи и москвички. А он с каким-то удивлением смотрит на всю эту совсем мирную, далекую от фронта жизнь, и не перестает удивляться. Боже, как ему повезло оказаться здесь и сейчас!

На капитане шапка-ушанка из серого меха цигейковой овчины, двубортная шинель из шинельного сукна темно-серого цвета, а на ногах сапоги... Он молод, высок, красив. Вот только шинель скрывает боевые награды. Но это поправимо.

Из биографии

Аркадий Федорович Ковачевич «пришел в полк в конце 1942 г., будучи уже известным летчиком, зарекомендовавшим себя в боях под Москвой, одержавшим 9 личных и 6 групповых побед. Боевое крещение он принял в составе 27-го истребительно-авиационного полка, входившего в ВВС МВО, куда был направлен сразу после окончания летной школы. Свою первую победу лейтенант Ковачевич одержал в небе Ржева 12 октября 1941 г. – на пикировании разогнав свой МиГ-3, длинной очередью сбил Ме-109. К концу осени 41-го на его счету были 4 личные и 3 групповые победы. Ковачевича назначили комэском.

Герои Советского Союза 9-го ГИАП. Слева направо: Александр Карасев, Владимир Лавриненков, Иван Королев, Аркадий Ковачевич, Анатолий Морозов, Алексей Алелюхин, Амет-Хан Султан, Иван Борисов, Павел Головачев

В марте 1942 г., в условиях позиционной войны, когда противник настойчиво пытался разведать с воздуха позиции советских войск, он столь же настойчиво барражировал в зонах ожидания, совершая по несколько вылетов в день. Дважды ему удалось перехватить и сбить дальний разведчик Ю-88. Летом 27-й истребительно-авиационный полк был выведен из системы ПВО Москвы и направлен во фронтовую авиацию, где в составе Брянского, а затем Воронежского фронтов его летчики участвовали в боях на дальних подступах к Сталинграду. Здесь, в тяжелых боях, Ковачевич одержал свои очередные победы, особенно значимые в условиях наращивания противником сил: 23 августа сбил Хе-111, 3 сентября – Ю-88, 9 сентября – вновь Хе-111 и 12 – “раму”, записанную как победа в группе. В конце ноября решением командующего 8 ВА ее лучшие воздушные бойцы, и среди них Ковачевич, были собраны в составе 9-го гвардейского истребительно-авиационного полка, действовавшего в составе сил Сталинградского фронта. Ковачевич был назначен комэском и скоро подтвердил свою репутацию классного летчика уже на Як-1, сбив Ме-109 (14 декабря), а через 4 дня уничтожив над Сталинградом До-217 – универсальную двухмоторную машину, использовавшуюся и как бомбардировщик, и как разведчик, и как истребитель, оснащавшуюся телевизионной и радиолокационной станциями. В январе 1943 г., при блокировании окруженной армии Паулюса, он сбил 2 транспортных Ю-52.

1 мая 1943 г. за 356 боевых вылетов, 58 воздушных боев, 13 лично и 6 в группе сбитых самолетов противника гвардии ст. лейтенанту Ковачевичу было присвоено звание Героя Советского Союза.

Летом – осенью он принимал участие в боях на реке Молочной в освобождении Донбасса, сражался в Запорожье и под Мелитополем. Его эскадрилья "синих" (по цвету окраски капотов самолетов) становится одной из сильнейших в ВВС – Лавриненков, Головачев, Твеленев... Да и сам комэск неустанно пополняет свой личный счет. В августе, после перевооружения на "кобры", он оценил мощь вооружения заокеанского истребителя, сбив в одном вылете Ме-109 и Ю-87. А через несколько дней в долгой, изматывающей дуэли на высоте более 8000 метров он "достал" Хе-111.

2 октября 1943 г. над Мелитополем Ковачевич попал под типичный удар аса-«охотника»: его самолет был сбит атакой сверху, почти с отвесного пикирования. Летчик спасся с парашютом и через 2 дня вновь поднял боевую машину в воздух. Второй и последний случай, когда он был вынужден покинуть самолет в воздухе. Первый раз это произошло осенью 41-го, когда его МиГ-3 был сбит зенитным огнем.

В ходе боев за Крым Ковачевич был назначен помощником командира полка по ВВС, а позднее и заместителем командира 9-го гвардейского истребительно-авиационного полка».

Аркадий Федорович родился 3 мая 1919 г. в поселке Новомиргород Елизаветградского уезда Херсонской губернии. Окончил 3 курса Кировоградского техникума механизации сельского хозяйства, аэроклуб, а в 1938 г. – Одесскую военную авиационную школу.

«Ходил в театры»

Капитану Ковачевичу не просто повезло, а скорее посчастливилось даже... Весной и летом 1943 года из эвакуации (из Ташкента, Свердловска, Куйбышева, Челябинска, Омска, Иркутска, Чимкента и Алма-Аты) в Москву вернулись столичные театры и сразу же начали работать.

«К уже имевшимся спектаклям о героическом подвиге народа, – сообщается в одной из книг о культурной жизни Москвы, – высоких качествах советских людей прибавлялись другие, по-новому раскрывавшие героическую народную тему. К ним относятся психологический, лирический спектакль Театра им. Ленинского комсомола “Так и будет” К. Симонova о том, как люди возвращаются с фронта, а также патетический, построенный в форме лирико-публицистической многоэпизодной оратории спектакль “Сыновья трех рек” В. Гусева в Театре драмы, поставленный Н. Охлопковым с присущей ему склонностью к аллегориям, символам и эффектной фееричности».

Словом, в те январские дни на афишах выбор огромный: гастрели эквилибристов Буслаевых, премьера в Государственном еврейском театре, в Малом – «Пигмалион», во МХАТе – «Царь Федор». В московских кинотеатрах шли американские фильмы: «Полярная звезда», «Джордж из Динки-джаза», «Серенада Солнечной долины», «Сестра его дворцового».

Приехать с фронта на считанные дни и ничего этого не увидеть? И Аркадий Федорович рьяно взялся за дело. Каждый день он ходил в театры, посетил цирк и оперетту.

Из биографии

«НАГРАДНОЙ ЛИСТ

На Командира авиаэскадрильи 9 Гвардейского Краснознаменного ИАП гвардии старшего лейтенанта Ковачевич Аркадия Федоровича

На звание “Герой Советского Союза”

1. Год рождения 1919 год май м-ц

2. Национальность Украинец

3. Соцположение Учащийся.

4. Партийность член ВКП(б) с 1941 года.

5. С какого времени в РККА Декабрь м-ц 1937 год.

6. Участие в гражданской войне Не участвовал. В Отечественной войне с 22.6.41 г.

7. Ранения и контузии Не имеет

8. Представлялся ли ранее к награде, когда и за что За героизм и мужество, проявленные в боях с немецкими захватчиками в 1941 году и 1942 году.

9. Какие имеет поощрения и награды и за что награжден орденами “Красная Звезда” в 1941 году и “Красное Знамя” в 1942 году...

I. КРАТКОЕ КОНКРЕТНОЕ ИЗЛОЖЕНИЕ ЛИЧНОГО БОЕВОГО ПОДВИГА ИЛИ ЗАСЛУГ...

Тов. Ковачевич участвует в Отечественной войне с 22 июня 1941 года. За период боевых действий с немецкими захватчиками произвел 356 боевых самолетовылетов, провел 58 воздушных боев, сбил лично 13 самолетов противника и в групповом бою 6 самолетов противника. Из них: после последней правительственной награды участвуя на Сталинградском фронте произвел 65 боевых самолетовылетов, провел 28 воздушных боев, сбил лично 6 самолетов противника и в групповом бою 3 самолета противника.

23.8.1942 г. В групповом бою в районе г. Сталинграда сбил HE-111.

27.8.1942 г. лично сбил в районе г. Сталинграда ME-109.

7.9.1942 года лично сбил в районе г. Сталинграда Ю-88.

9.9.1942 года в групповом бою сбил HE-111.

12.9.1942 года в групповом бою сбил Фокке-Вульф 108.

13.9.1942 г. лично сбил Ю-87.

14.9.1942 г. лично сбил в районе Бузиловка Сталинградской обл. ME-109.

19.12.1942 г. лично сбил юго-западнее Громославка До-215.

На все сбитые самолеты противника имеются подтверждения. До прихода в полк командовал эскадрилей. Его эскадрилья на Сталинградском фронте произвела 96 боевых самолетовылетов, провела 43 воздушных боя и сбила 15 самолетов пр-ка.

Тов. Ковачевич личным примером воспитывает своих летчиков. Волевой, требовательный к себе и подчиненным командир. В настоящее время назначен командиром эскадрильи.

За мужество и героизм проявленный в боях с немецкими оккупантами при защите г. Сталинграда достоин высшей правительственной награды Званию Героя Советского Союза.

Командир 9 ГИАП

Герой Советского Союза

Гвардии подполковник /Шестаков/

«2» февраля 1943 г.

II. ЗАКЛЮЧЕНИЕ ВЫШЕСТОЯЩИХ НАЧАЛЬНИКОВ

Достоин Правительственной награды – присвоения звания Героя Советского Союза с вручением Ордена ЛЕНИНА и медали Золотая Звезда.

Командир 268 ИАД
ПОЛКОВНИК /СИДНЕВ/
«7» февраля 1943 г.

III. ЗАКЛЮЧЕНИЕ ВОЕННОГО СОВЕТА ОКРУГА

За Мужество и Героизм, проявленное в боях за Сталинград достоин высшей награды правительств. зв. Героя Сов. Союза

КОМАНДУЮЩИЙ 8 ВОЗДУШНОЙ АРМИИ
ГЕНЕРАЛ-МАЙОР АВИАЦИИ /ХРЮКИН/
«11» февраля 1943 г.

IV. ЗАКЛЮЧЕНИЕ НАГРАДНОЙ КОМИССИИ НКО СССР

Присвоено звание Героя Советского Союза с вручением Ордена Ленина и медали “Золотая Звезда” Указ от 1.05.43 г.»

Москва

В Штабе ВВС Аркадию Федоровичу выдали специальные талоны на питание в ресторане гостиницы «Москва». И каждый божий день он приезжал туда в одно и то же время – на завтрак, обед и ужин. Правда, от ужина чаще всего отказывался из-за посещения театра, но несколько раз приходил.

Гостиница «Москва»... Ею «гордились, считали ее украшением города, – напишет известный писатель Эдуард Хруцкий. – Вспомните фильм Григория Александрова “Цирк”. Любовь Орлова живет в роскошном номере люкс, окна которого выходят на Красную площадь и Кремль. Звучит в номере белый рояль, ветер шевелит легкие занавески, а за окнами радость строящегося социализма.

А вот коварный американский импресарио пытается сорвать номер “Полет в стратосферу”. Он угощает нашу наивную героиню лучшими конфетами и тортами. И делает это в “Птичьем полете”, знаменитом кафе на тринадцатом этаже гостиницы “Москва”.

Много лет эта гостиница была символом столицы. Продавались конфеты в коробках в виде макета гостиницы, парфюмерные наборы, а в знаменитой кондитерской в Столешниковом переулке на витрине красовался торт в виде знаменитого отеля.

И даже когда кинооператоры снимали прифронтовую Москву, то танки обязательно шли мимо знаменитой гостиницы, мимо нее шагали полки ополченцев, ехали конные патрули. “Москва” стала символом военной Москвы».

В годы войны в ней селили генералов, приехавших с фронта, работников органов госбезопасности и внутренних дел, командиров партизанских отрядов, известных военных корреспондентов и творческий состав фронтовых киногрупп. По рассказу Константина Симонова, в гостинице всегда была горячая вода, всегда работали телефоны и никогда не выключали электричество. И это в годы войны!

Что же касается ресторана, то мнение Э. Хруцкого в нашем случае немаловажно: «Ах, ресторан, ресторан! Москвичи, привыкшие к уюту “Националя”, роскоши “Метрополя” и “Гранд-Отеля”, презрительно именовали этот огромный зал конюшней. Но, как его ни называй, в тяжелом 42-м году в этом огромном зале, отделанном мрамором, собирались люди, чьи имена вошли в нашу историю. Кроме пищи, которая полагалась по талонам, за деньги, причем немалые, можно было заказать вареную или жареную картошку, селедочку, горбушу, соленые огурцы, консервированное мясо и котлеты. И, конечно, водку и ликер...

Гостиница «Москва»

Вся эта услада стоила больших денег, но у фронтовиков они были. В те годы не приходилось устраивать демонстрации из-за “боевых”, положено – получи.

Конечно, этот оазис жратвы и выпивки манил к себе московских гулявых людей, в основном артистов вернувшихся в Москву театров.

Войти в гостиницу без пропуска было невозможно. У дверей стояли строгие автоматчики из полка НКВД».

Итак, ресторан гостиницы «Москва», январь 1944 года, ужин по талонам... Как мне рассказывал сам Аркадий Федорович, там тогда питались в основном работники Госплана, который находился напротив. Кормили хорошо, по заказу. Единственное неудобство – приходилось приезжать туда пораньше, чтобы скорее добраться до своей гостиницы до наступления комендантского часа. Ужин по талонам заканчивался в 21.00.

Буквально в первый же день капитан Ковачевич попал на ужин. Летчик-ас одет в шерстяную гимнастерку защитного цвета. На груди с левой стороны Золотая Звезда и чуть ниже ордена: Ленина и Красного Знамени, медаль «За оборону Сталинграда», справа орден Красной Звезды и знак «Гвардия». Одним словом, настоящий герой! Тут же подбегает официант и услужливо спрашивает:

– Товарищ капитан, вас куда?

– Мне куда-нибудь за столик, чтоб я тут не светился.

– Все будет в ажуре, не переживайте, – и официант проводит его до нужного места, где принимает заказ.

Когда он уходит, за столик вдруг подсаживается неизвестный пехотный капитан и сразу же спрашивает:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.